

к 87

А. В. Кругловъ.

Р 1587285

ВЪ СЪВЕРНЫХЪ ЛѢСАХЪ.

РАЗСКАЗЫ.

МОСКВА.

Издание 2-е книгопродавца М. В. Клюкина.

Ваганьковский переулокъ, д. № 9.

6461

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

I.

Мрачно-суровый сѣверный лѣсъ былъ занесенъ глубокимъ снѣгомъ. Конусообразныя ели ушли своими стволами и нижними вѣтвями въ рыхлую снѣжную пелену, какъ въ вату. Сосны, точно наперекоръ власти мороза, вознесли гордо свои мохнатыя головы и разметали въ воздухъ иглистыя темнозеленыя вѣтви. Между елями и соснами торчали оголенные, заиндивѣвшія лиственные деревья.

Наступали сумерки. Вѣтеръ заунывно гудѣлъ, пробираясь межъ стволовъ лѣсныхъ великановъ. Это было точно живое кладбище: голые остовы деревьевъ походили на скелеты, которые оставили свои могилы. Они протягивали другъ другу руки, потрясая ими въ воздухъ. На снѣгу, въ разныхъ направленіяхъ, виднѣлись тропинки, проторенныя зырянами-охотниками, явившимися изъ дальнихъ поселковъ и наполнившими собою эти дремучіе лѣса—безъ конца и края. Нужда выгнала „лѣсныхъ людей“ (какъ называютъ себя зыряне) изъ теплой избы, разлучила ихъ съ женами, невѣстами, подругами сердца и кинула на два съ половиною мѣсяца сюда, въ этотъ лѣсной океанъ, гдѣ властвуетъ царь сѣвера—медвѣдь, живетъ легкая красивая бѣлка, не послѣдняя приманка для „лѣсного человѣка“. Пришелъ онъ сюда издалека, одѣтый въ оленьи шкуры, со своимъ самодѣльнымъ ружьемъ, которому мѣткость глаза и навѣкъ придаютъ страшную силу. Пришелъ—и его ноги, не знающія усталости, не боящіяся холода, избородили снѣжную поверхность тысячу тропинокъ, которыя скрещивались, переплетались, шли въ самую дебрь, воз-

ложимъ, и онъ, Абрамъ, парень ражий: бѣлое лицо, темные кудрявые волосы и широкія плечи чего-нибудь да стоятъ!.. а вѣдь такъ... Дѣвки—что вѣтеръ... Любовь ихъ измѣничива.—Да нѣтъ, начиналъ успокаивать себя Абрамъ:—Паре дѣвка честная, ничего не сознавая, пустился бѣжать въ сторону, въ чащу. Переимѣнить слова такъ скоро... Вѣдь, строго судить—это и въ обычаѣ... Пустой страхъ...

Идя за Якушемъ, онъ почти не слыхалъ его отрывочныхъ замѣчаній... Но успокоивъ себя насчетъ Паре, онъ вздохнулъ облегченно, поднялъ голову и самъ залюбовался утренней картиной лѣса.

— О, да какъ же... — успѣлъ только промолвить онъ, какъ вдругъ собаки, бѣжавшія впереди, подняли страшный лай, которому оба охотника сразу поняли, что ихъ четвероногіе друзья встрѣтили или почували крупнаго звѣря.

„Ужели медвѣдь?“ быстрѣе молніи мелькнула мысль у Абрама и слова замерли на устахъ.

Они оба остановились на мгновенье. Якушъ скинулъ ружье, хотя оно было заряжено на бѣлку, и ощупалъ свой ножъ.

— Ужели черная немочь?—тихо произнесъ Абрамъ.

— Похоже... но откуда онъ?—отвѣтилъ Якушъ также тихо. Идемъ!—прибавилъ онъ, быстро бросаясь впередъ.

Лай приближался навстрѣчу; собаки гнали звѣря на нихъ. Они сдѣлали не болѣе двѣнадцати, пятнадцати шаговъ, какъ увидѣли врага.

Медвѣдь поднялся на заднія лапы и заревѣлъ, раскрывая огромную пасть, выставивъ страшные бѣлые зубы, выпустивъ ужасно кривые когти. Абрамъ обмеръ отъ страха, ноги у него задрожали. Медвѣдь храбро началъ наступленіе. Якушъ не двигался съ мѣста. Стрѣлять было нельзя... Зырянинъ выхватилъ ножъ и стоялъ готовый встрѣтить звѣря.

Тревожимый собаками, но не обращающій на нихъ вниманія, медвѣдь шелъ прямо на Якуша, глухо рыча и скаля зубы. Вонючая пасть онъ подошелъ близко... еще ближе... еще... одно мгновенье—и онъ вонзился бы въ брюхо звѣря, распоровъ его сверху до низу своимъ лезвіемъ. Но рука смѣлаго и опытнаго охотника, положившаго девятнадцать медвѣдей, вдругъ конвульсивно дрогнула, ножъ скользнулъ мимо, не нанеся раны ужасному врагу.

Абрамъ только видѣлъ, какъ медвѣдь, дико заревѣвъ, наскочилъ на Якуша и подмялъ его подъ себя. Дальше онъ ничего не видѣлъ. Панический ужасъ охватилъ его, и вмѣсто того, чтобы броситься на звѣря для спасенія товарища, онъ, ничего не помня, ничего не сознавая, пустился бѣжать въ сторону, въ чащу.

Оглушительный ревъ медвѣдя слился съ отчаяннымъ вонлемъ Якуша. Громкимъ эхомъ прокатились они по лѣсу и донеслись до слуха ближайшихъ охотниковъ изъ партіи. Тѣ бросились по направленію звуковъ, и скоро ихъ глазамъ представилась ужасная картина. Медвѣдь сидѣлъ на Якушѣ, который уже не кричалъ и не оказывалъ болѣе сопротивленія. Собаки не оставляли звѣря и рвали его съ остервенѣніемъ, получая сильныя раны; отвлекая медвѣдя и причиняя ему боль, онѣ, конечно, не мало помогли Якушу... Но еще немного времени, и охотника не было бы въ живыхъ.

Два ножа прибывшихъ покончили со звѣремъ, грузно, съ дикимъ воемъ упавшимъ на спину.

Якуша освободили. Но въ той фигурѣ, которую подняли товарищи, трудно было узнать обликъ человѣческой. Кожа съ головы была задрана, руки и ноги поломаны... Отважный звѣроловъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

— Гдѣ же онъ? Гдѣ Абрамъ?—почти въ одинъ голосъ произнесли оба.

— Бѣжалъ?

— Бѣжалъ! Иначе онъ спасъ бы Якуша или погибъ бы вмѣстѣ с нимъ!

Проклятіе трусу-негодю сорвалось съ устъ обоихъ зырянь. Уложивъ Якуша осторожно на снѣгъ, они старались какъ можно быстрѣе подать ему помощь, какую только умѣли и могли въ этой глуши, лишенные всякихъ снадобій, самаго необходимаго въ подобныхъ случаяхъ.

Медлить было нечего. Они поправили, какъ слѣдуетъ, содранную медвѣдемъ кожу, обложили раны снѣгомъ, обвязали лицо и голову, для чего изорвали свои рубахи, и, бережно положивши Якуша на совикъ (верхняя одежда изъ оленины), понесли его къ пывзану. Здѣсь, спустя нѣсколько времени, Якушъ очнулся; изъ его груди вырвался болѣзненный, пронзительный стонъ...

— Онъ еще живъ!..

— Да, живъ... Но поправится ли?

Этотъ вопросъ занималъ всѣхъ охотниковъ, столпившихся теперь въ пывзанѣ и безмолвно смотрѣвшихъ на изуродованнаго товарища.

— Онъ долженъ же прійти... не можетъ же не прійти!—проговорилъ вдругъ одинъ изъ группы, уже старикъ съ просѣды въ курчавыхъ волосахъ и съ окладистой бородой.

Его голосъ, мрачно прозвучавшій въ тишинѣ, будто донесся до слуха больного, который сдѣлалъ попытку пошевелиться, но она вызвала новый, еще болѣе мучительный стонъ, чѣмъ тѣ какіе изрѣдка вылетали изъ разбитой груди.

— Долженъ прійти,—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

— Негодяй! Подлый трусъ!—произнесъ опять старикъ, отводя взоры отъ Якуша. — Это позоръ для всѣхъ, и мы не можемъ простить его.

— Позоръ, позоръ!

— Трусѣ нѣтъ мѣста между нами.

— Онъ не товарищъ намъ болѣе!

Въ толпѣ говорившихъ слышалось чувство гадливости и злобы пожалуй—даже гадливости больше, чѣмъ ненависти.

— Ты навѣрное знаешь, что у него былъ ножъ?—обратился старикъ къ сосѣду.

— О, да!—отвѣчалъ тотъ.

— Былъ?

— И ружье и ножъ!..

— И ружье и ножъ?.. О, святой Стефанъ!.. Трусъ подлый.. хуже волка, а не товарищъ!..

— Ружье на бѣлку...

— Что за дѣло?.. Бей прикладомъ... умри съ товарищемъ!.. А у него былъ ножъ!.. Развѣ мало ножа, чтобы „освѣжить“ черную немочь?..

— Конечно! Чего же еще!—раздалось нѣсколько головъ.

— Подлый трусъ!.. И у кого же его ножъ, его ружье? гдѣ онъ?

— Я подобралъ,—промолвилъ молодой зырянинъ съ лицомъ которое было очень красиво, если бы его не испортила оспа. Когда бы не нужна была помощь,—добавилъ онъ,—я бы кинуло искать Абрама... Онъ еще не могъ тогда уйти далеко...

— Зачѣмъ?

— Я бы прикончилъ его.

— Что это?—строго промолвилъ старикъ, — убить? Изъ-за труса не стоитъ брать грѣха на душу... Онъ и такъ получиль свое...

Въ это мгновеніе хрустнулъ снѣгъ за окномъ. Никто не произнесъ ни слова, но головы всѣхъ повернулись по направленію къ двери. У всѣхъ промелькнула одна мысль: „это навѣрное онъ!“ Въ пывзанѣ сдѣлалось будто еще тише. Прошла минута, другая...

Послышались шаги у самой двери, и чрезъ мгновеніе она отворилась, давши ворваться въ пывзанъ холодному воздуху широкою струей. Съ минуту ничего не было видно. По вотъ клубы холоднаго воздуха разсѣялись. У порога стоялъ Абрамъ, низко опустивши голову, бросая изподлбья угрюмо-робкіе взгляды на товарищей. Его глаза выражали боязнь, сознаніе тяжести своего проступка и что-то похожее на мольбу. Но никто не замѣтилъ всѣхъ этихъ чувствъ, волновавшихъ Абрама. Никто даже не хотѣлъ долго останавливать на немъ своего взгляда.

Вдругъ раздался короткій, мучительный стонъ Якуша, рѣзко нарушившій мертвую тишину въ избушкѣ Абрамъ вздрогнулъ, и лицо его все конвульсивно передернулось, точно кто ножомъ полоснулъ его самого по сердцу. Онъ поднялъ-было глаза на лежавшаго товарища, но сейчасъ же опустилъ ихъ, встрѣтившись съ презрительно-суровымъ взглядомъ старика.

— Видишь?.. слышалъ?—произнесъ глухо этотъ послѣдній.

Абрамъ хотѣлъ что-то сказать, но губы его только пошевелились, не издавъ никакого звука.

Старикъ вдругъ выпрямился, сдѣлалъ шага два къ порогу, гдѣ стоялъ Абрамъ, и, въ упоръ смотря на него, заговорилъ тѣмъ же глухимъ голосомъ, какимъ произнесъ: „видишь? слышалъ?“

— Ты убилъ его!—началъ старикъ;—ты убилъ во цвѣтъ лѣтъ храбраго и мѣткаго охотника! Ты убилъ единственнаго сына у матери, ты убилъ мужа у жены, у дѣтей ихъ отца!..

Абрамъ опять попытался сказать что-то, и снова также безуспѣшно. Старикъ словно по движенію губъ понялъ то, что хотѣлъ отвѣтить Абрамъ.

— Неправда!—произнесъ онъ, возвышая голосъ,—все равно, ты—убійца! Ты не былъ беззащитенъ... У тебя былъ ножъ. Если бы ты не бросилъ товарища, вы оба сломили бы звѣря, а тутъ

подоспѣли бы другіе... Не сломали бы—оба легли!.. Честный коми-морть умереть вмѣстѣ съ товарищемъ, а не кинетъ его въ бѣдѣ... И ты остался бы честнымъ зырянинимъ!.. А теперь ты—трусъ и негодай, позоръ всей деревни, всего племени! Ты—окаянный, ты—отверженный, тебѣ нѣтъ мѣста среди насъ... Тебя никто не хочетъ знать, никто не раздѣлитъ съ тобою куска хлѣба, не пуститъ въ свою керку... Ты—отверженный... Иди, куда знаешь... Иди и да будешь всѣмъ чужой, всѣмъ ненавистный!.. Да не знаешь себѣ ни въ чемъ удачи. Пусть на охотѣ ни одна пуля твоего ружья не попадетъ въ звѣря... Пусть ты не найдешь корки качи (хлѣба съ пихтовой корой) для утоленія голода и капли воды во время жажды!.. Пусть тебя мочатъ дожди, жжетъ солнце, бьютъ вѣтры—и ты въ лютые морозы не найдешь крова!.. Пусть задеретъ тебя медвѣдь, загрызетъ рысь, обидитъ послѣдній заяцъ!.. Пусть ты утонешь въ болотѣ, и болото не приметъ твоего трупа!.. Пусть твои кости достаются въ добычу волкамъ!.. Пусть св. Стефанъ откажется на небѣ отъ молитвы за тебя, —отречется мать на землѣ, проклянувъ день, когда родила. Пусть ни одна зырянская дѣвушка не дастъ тебѣ своего платка (т.-е. не согласится выйти замужъ)! Томись, страдай, мучься одинъ такъ, чтобы всѣ были глухи къ твоимъ стонамъ, слѣпы къ твоимъ слезамъ,—пусть всѣ бѣгутъ отъ тебя, отверженного и окаяннаго!.. Иди, оставь насъ!..

— Уходи, уходи!—раздалось нѣсколько голосовъ.

— Нѣтъ тебѣ мѣста среди насъ!.. Тебя всѣ будутъ проклинать!.. Всѣ отступятся... И мать и невѣста...

— О, еще бы! Паре не пуститъ тебя къ себѣ!—воскликнул рослый молодой зырянинъ, выступая впередъ.

Это былъ братъ Паре.

— А если бы и пошла она, я не допущу этого,—дрожащимъ голосомъ добавилъ онъ;—въ нашей семьѣ не было трусовъ и убійцъ!.. Отверженный не можетъ быть нашимъ...

Лицо Абрама, несмотря на страшную жару въ пивзанѣ, сдѣлалось блѣдно, какъ полотно. У него помутилось въ глазахъ холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу, и онъ упалъ на колѣни... Какое-то слово, похожее на слово о пощадѣ, съ крикомъ вырвалось у него изъ груди.

— Нѣтъ тебѣ прощенія!—отрѣзалъ глухо старикъ.—Къ те-

бѣ, какъ ты—нѣтъ жалости!.. Ни дѣды, ни отцы не прощали такихъ и мы не можемъ!.. Воръ, убійца—лучше тебя... Ты позоръ всѣхъ... Нѣтъ тебѣ прощенія!..

— Онъ проститъ меня!—произнесъ Абрамъ, собравшійся съ силою хотя и тихо, но ясно выговорить это слово.

— Нечего тебѣ говорить о немъ!—сурово перебилъ старикъ, подавляя вздохъ;—еще знаетъ Одинъ Богъ, въ состояніи ли будетъ Якушъ простить тебя... Да и это Его дѣло—простить твой грѣхъ передъ Нимъ... Здѣсь мы не властны. Но мы не простимъ тебѣ нашего позора... Деревня не проститъ тебѣ... не простятъ тебѣ могилы отцовъ и дѣдовъ нашихъ!.. Нѣтъ тебѣ мѣста среди насъ!

— Ты молодъ еще,—продолжалъ старикъ,—но это тебѣ не оправданіе. Изъ зайчонка не вырастетъ соболь... Мѣдъ не превратится въ золото... Осина съ половины не начнетъ расти кедромъ! Якушъ 16-ти лѣтъ не сробѣлъ передъ стайей волковъ и еслибъ не мы—тогда же бы смерть ему! Вотъ это—зырянинъ! вотъ это—охотникъ! А ты...

Старикъ не кончилъ и отвернулся отъ Абрама съ выраженіемъ отвращенія на своемъ морщинистомъ, взволнованномъ лицѣ.

Въ пивзанѣ стало мало-по-малу утихать. Охотники начали ложиться спать, уже совсѣмъ не обращая вниманія на Абрама, будто забыли о немъ, словно его и не было здѣсь. Съ нимъ покончили, вычеркнули его—и онъ болѣе не существовалъ уже для товарищей. Его не гнали, потому что куда же ему дѣваться сейчасъ же ночью; но ни у кого не было сомнѣнія, что онъ не останется самъ и уйдетъ на утро. Всѣ улеглись, кромѣ старика. Чебышъ остался караулить больного, помѣстившись близъ него въ сидачемъ положеніи. Огонь погасъ. Наступила тьма и мертвая тишь, нарушаемая только храпомъ уставшихъ за день охотниковъ.

Абрамъ еще нѣсколько минутъ оставался въ прежней позѣ, на колѣняхъ,—точно онъ замеръ на мѣстѣ. Но вотъ Якушъ опять простоналъ, шевельнувшись на лавкѣ. Этотъ стонъ вывелъ Абрама изъ оцѣпенѣнія. Онъ быстро поднялъ голову, прислушался еще съ минуту и, почти вскочивши съ полу, вышелъ изъ пивзана. Въ вискахъ у него стучало. Голова шла кругомъ и горѣла... Мысли путались. А сердце будто кто то разрывалъ

на части раскаленными щипцами... Отчаяніе и безнадежность охватили все его существо. Пятаясь, переступил онъ наружный порогъ, вышелъ на свѣжій воздухъ и въ безсиліи опустился на срубленную ель.

Стояла тихая, морозная ночь. Деревья, принявъ причудливыя формы, отдѣлялись изъ окутавшей ихъ таинственной полутьмы. Серпъ показавшагося мѣсяца съ хороводомъ звѣздъ не могъ достаточно давать яркаго освѣщенія: верхнія части хвойныхъ вѣтвей казались серебряными, а нижнія пушистыя, словно бархатныя, рисовались черной бахромой. Своеобразный трауръ: серебро и чистый бархатъ по виду. Угрюмый необъятный лѣсъ словно замеръ: ни шороха, ни звука; наступало царство сна и покоя. И только мѣсяцъ медленно плылъ по ночному звѣздному небу, прихотливо мѣняя положеніе свѣта и тѣней на деревьяхъ: освѣщая то, что пряталось во мглѣ, и погружая въ мракъ предметы, ясно выдѣлявшіеся ранѣе.

Опустившись на ель, Абрамъ нѣсколько минутъ оставался какъ бы въ полузабытіи, подавленный тѣмъ, что сейчасъ только видѣлъ и слышалъ. Мысли пронеслись въ головѣ спѣшно, безсвязно, путаясь. И только одна мысль, угнетающая все существо, давя мозгъ, неотступно и ясно формулировалась въ сознаниі: „Ты погибъ!.. Ты—отверженный... Нѣтъ тебѣ спасенія!“

Холодный ночной воздухъ нѣсколько освѣжилъ Абрама, сидѣвшаго съ поникшею головою, съ безнадежно опущенными руками. Онъ глубоко, съ наслажденіемъ потянулъ въ себя струю холоднаго воздуха и провелъ рукою по лбу, какъ бы стараясь привести въ порядокъ свои мысли. Онъ поднималъ кверху глаза и долгими взглѣдомъ посматрѣлъ на темное небо, блиставшее звѣздами...

— Неужели все кончено, все погублено и нельзя исправить?—прошепталъ онъ съ шепчущею тоскою; —уйти и проститься съ роднымъ угломъ, съ этими лѣсами, съ матерью и съ Парей...

А онъ думалъ о ней каждую минуту, всю дорогу отъ деревни до прихода въ пывзанъ на лѣсованье, думалъ на охотѣ во время отдыха, ложась спать, думалъ сегодня — до встрѣчи съ медвѣдемъ. И даже вотъ теперь, покрытый безславіемъ, заклеименный проклятіемъ, всѣми отверженный — онъ не можетъ не думать о ней. Абрамъ чувствовалъ, что Парей слишкомъ дорога

ему, что безъ нея нѣтъ ему жизни, нѣтъ нигдѣ счастья... Тяжело оставить родину, особенно зырянину, до отчаянія любящему свой поселокъ, свою керку... Но если бы она пошла вмѣстѣ,—все бы не такъ... Все бы легче! Отчего же не уйти ей? Вѣдь, вотъ ушла же Одэ...

„Ушла!..“ возразилъ внутри Абрама какой-то насмѣшливый голосъ,—„но развѣ съ такимъ? То былъ бѣдный, но честный и отважный зырянинъ... а ты?“

Отчаяніе охватило Абрама. Онъ былъ готовъ теперь броситься на самого ужаснаго врага, чтобы побѣдить его или погибнуть въ бою... Что смерть? Лучше она, чѣмъ это безславіе, общее презрѣніе... Умеръ—ничего не чувствуешь... А теперь? Вѣчное проклятіе, отверженность; одиночество на родинѣ или скитаніе среди чужихъ... И какъ онъ забылъ это тогда? Зачѣмъ побѣжалъ?.. Ему стало жаль Якуша, своего пріятеля, теперь изуродованнаго, умирающаго. Мучимый этимъ чувствомъ, угнетаемый сознаниемъ своего безславія, Абрамъ не выдержалъ и зарыдалъ...

Луна совсѣмъ уже спряталась; лѣсъ погрузился въ густой мракъ, когда Абрамъ тихонько вошелъ въ пывзанъ, осторожно отворивъ дверь. Всѣ спали. Уснулъ и старикъ, прислонясь головою къ косяку окна. Абрамъ постоялъ съ минуту, прислушиваясь къ дыханію спящихъ товарищей, и опустился на полъ у двери. Въ теплѣ его начало клонить ко сну, и онъ вскорѣ забылся. Но это былъ тревожный, мучительный сонъ. Абрамъ безпрестанно открывалъ глаза, пугливо озираясь и прислушиваясь. Ему слышался голосъ Якуша. Онъ приподнялся немного, съ неяснымъ желаніемъ—не то пойти къ товарищу, не то броситься опрометью вонъ, чтобы не слышать новаго проклятія... Якушъ не говорилъ, онъ только слабо стоналъ по временамъ. Затѣмъ опять наступала тишь въ пывзанѣ. Абрамъ прижимался въ уголь и засыпалъ снова. На утро, когда пывзанъ пробудился для дневныхъ трудовъ, Абрама уже не было.

II.

Стоялъ сумрачный день. Небо блѣдно-сѣраго цвѣта. Совершенно безвѣтрено. Слегка только морозило. Воздухъ былъ влажный...

Состояніе атмосферы вполне гармонировало съ душевнымъ

настроением Абрама, который мѣрно шагаль по лѣсной полянѣ, нерѣдко увязая въ снѣгу почти по колѣна. Уже пятая сутки онъ находился въ пути, идя цѣлый день и ночуя подъ открытымъ небомъ, для чего разводилъ огонь на мѣстѣ ночевки, какъ это дѣлаютъ всегда зыряне на пути къ лѣсованью.

Абрамъ усталымъ взглядомъ смотрѣлъ впередъ себя. Правственная подавленность была видна во всей его фигурѣ, въ выражении лица и движеніяхъ. Вотъ онъ подошелъ къ полянѣ, со всѣхъ сторонъ ограниченной высокимъ лѣсомъ. Кусты на опушкѣ засыпаны снѣгомъ по самую маковку; деревья изукрашены инеемъ, въ видѣ бахромы свѣшивающимся съ вѣтвей. Кругомъ было мертво: ни шороха, ни звука. Все сковано ледянымъ дыханіемъ дѣдушки-мороза.

Абрамъ шагаль, и разнородныя думы, воспоминанія, путаясь, тѣснились въ его головѣ... Несмотря на то, что прошло уже пять сутокъ, Абрамъ не могъ примириться съ мыслію о своемъ изгнаніи. Сначала онъ, отправившись въ дорогу, шель буквально какъ въ туманѣ, не сознавая даже, куда онъ идетъ. Думать сколько-нибудь серьезно онъ не могъ... Одна мысль угнетала, преслѣдовала его. Наконецъ, онъ понемногу овладѣлъ собою. И чѣмъ больше возвращалось къ нему сознаніе, тѣмъ страшнѣе и тяжелѣе становилось у него на душѣ... Онъ шель домой... зачѣмъ? Развѣ только для того, чтобы въ послѣдній разъ повидать мать и невѣсту. Оставаться въ деревнѣ было невымыслимо.

Онъ миноваль полянку и вступилъ вновь въ лѣсную чащу, гдѣ было совсѣмъ темно. Плотно сдвинулись между собою сосны и ели, какъ бы охраняя какую-то великую тайну. Ключекъ неба надъ головою и сплошныя стволы вокругъ; кажется, нельзя не потеряться, не заблудиться въ этомъ лабиринтѣ деревьевъ. Но зырянинъ не потеряется въ лѣсу, какъ и морякъ въ океанѣ. Привычный взоръ различить дорогу по вѣтвямъ и самымъ деревьямъ, зная, что на сѣверной сторонѣ кора древесная толще, грубѣе, съ трещинами, что сучья на южной сторонѣ длиннѣе, обильнѣе хвоей... На случай у зырянина и компасъ самодѣльный есть, называемый имъ „маткою“.

И Абрамъ шель, не боясь заблудиться. Онъ съ дѣтства уже умѣлъ выбираться изъ непроходимыхъ незнакомыхъ дебрей. Надъ

головою его что-то зашуршало. Онъ поднялъ голову. Изъ-за вѣтвей сосны сверкнула на него пара быстрыхъ глазъ бѣлки. Звѣрекъ, какъ сумасшедшій, шарахнулся въ сторону, почувявъ опасность; онъ перескочилъ на сосѣднее дерево, осыпавъ Абрама съ ногъ до головы сухимъ снѣгомъ, перелетѣлъ еще далѣе и скрылся, наконецъ, совсѣмъ изъ виду. Но напрасно такъ трудился маленький звѣрекъ: Абрамъ и не думаль преслѣдовать его... Онъ только проводилъ векшу унылымъ взоромъ, и сердце, сжавшись съ болью, потомъ сильнѣе забилося въ груди.

Абрамъ глубоко вздохнулъ. Маленькій звѣрекъ напомнилъ ему многое, что задѣло самыя больныя струны сердца... Абраму вспомнилась первая бѣлка, подстрѣленная имъ въ свой дѣтскій праздникъ... Восьми лѣтъ зырянинъ празднуетъ свое совершеніе какъ охотникъ. Если хотите, это не совсѣмъ точно, но въ этотъ годъ, въ день своего рожденія, зырянинъ получаетъ отъ старшаго въ семьѣ въ подарокъ настоящее ружье. Съ этого момента онъ начинается пріучаться серьезно къ охотѣ, отправляясь на другой же день праздника въ лѣсъ за первой добычей... И вотъ этотъ день праздника въ лѣсѣ за первой добычей удалось ему убить урку *). Онъ гордился счастьемъ и съ наслажденіемъ слушалъ рѣчи стариковъ, пророчившихъ ему удачу на охотѣ... И онъ вѣрилъ, онъ ждалъ, — и вдругъ... такой позоръ!..

Бѣлка играла роль не одинъ разъ въ жизни Абрама. Преслѣдуя бѣлку же, онъ впервые сошелся ближе съ Паре, тогда еще четырнадцатилѣтней дѣвочкой. Ему было шестнадцать. О, сколько счастливыхъ, блаженныхъ минутъ пережилъ онъ потомъ въ этихъ самыхъ лѣсахъ, бродя съ ружьемъ одинъ, но съ дорогимъ образомъ въ своемъ сердцѣ!.. Здѣсь же встрѣчались и бродили они вмѣстѣ, здѣсь же, подъ одною изъ густыхъ вѣковыхъ сосенъ, онъ высказаль дѣвущкѣ свои чувства, на что она съ улыбкой сказала ему:

— Чтожъ ты говоришь?.. Развѣ такъ нужно узнавать, люби ты мнѣ?

— Стало-быть, могу?—съ волненіемъ спросилъ онъ.

— Увидишь!..

*) Урка—бѣлка, векша.

— Да скажи ты прежде... А то... что и мучить меня, стыдить передь народомъ!

Голосъ его звучалъ страстью и мукой. Паре понравилось это.

— Охъ, ты, глупый!—уже нѣжно промолвила она.

И тонъ ея отвѣта все разъяснилъ Абраму. Ему даже стало стыдно, что онъ не понималъ дѣвушки раньше. Съ какимъ замѣраніемъ сердца спѣшилъ онъ черезъ два дня на посидѣлку!.. Во время игръ онъ вдругъ при всѣхъ вырвалъ у Паре ея пла-токъ. Это значило, что онъ признавался въ любви и просилъ руки и сердца. Теперь зависѣло отъ нея сказать „да“ или „нѣтъ“.

Если она, по истеченіи извѣстнаго срока, потребуетъ свой пла-токъ назадъ, значитъ—кавалеръ, сдѣлавшій ей предложеніе, не любитъ. Не потребуетъ,—стало-быть, она согласна на замужество. Срокъ прошелъ. Паре не требовала своего платка. Вся деревня узнала, что Паре выходитъ замужъ за Абрама. Нашлись завистники; онъ видѣлъ ихъ мученія, и ему это доставляло наслажденіе, хотя онъ вовсе не золь. Но онъ безумно любилъ Паре и обладать ею считалъ величайшимъ счастіемъ.

О, сколько счастья дала ему эта любовь, еще только обѣщавшая, манившая своими чарами. Даже теперь, при одномъ воспоминаніи, забывъ на мигъ свое горькое настоящее, онъ опять счастливъ, и сердце его бьется сладкимъ блаженствомъ... Но разсудокъ подымаетъ свой неумолимый голосъ, разрушаетъ иллюзію напоминаніемъ о настоящемъ... Какое ужасное пробужденіе!.. Все пережить снова, улыбаться всему дорогому только для того, чтобы сказать ему навсегда роковое „прости!“ Да, для Абрама все кончено!.. Паре не будетъ его женою; даже больше—онъ никогда уже не увидитъ ея, не увидитъ этихъ лѣсовъ, не будетъ охотиться въ нихъ на урку и рябчика!.. Ему надо бѣжать, бѣжать изъ родного угла!.. Точно обезсиленный этою мыслью, онъ остановился на минуту, прислушиваясь оглядываясь. Кругомъ было то же безмолвіе. И онъ пошелъ далѣе, пробираясь между древесными стволами.

Безпредѣльны зырянскіе лѣса. Долго-долго шелъ Абрамъ во глухую чащу, прежде чѣмъ она порѣдѣла. Это служило при знакомъ, что лѣсъ временно кончается. И дѣйствительно, вскорѣ Абрамъ вышелъ на громадный просторъ, поверхность котораго отличалась безукоризненной ровностью, точно она была стар-

тельно выстругана. Это было лѣсное озеро, какихъ на Сѣверѣ попадается не мало попеременно съ мелкими озерками, рѣчками и ручьями. Зырянскіе добри почти все изрѣзаны водяными пространствами.

Такъ же увѣренно пустился Абрамъ и по озерной глади, какъ шелъ по чащѣ, нимало не смущаясь тѣмъ, что оставилъ одинъ берегъ далеко за собою, ничего не видя впереди, кромѣ блѣднаго зимняго неба, незамѣтно сливавагося со снѣжной поверхностью озера. А думы неслись за нимъ неотставая. Одна изъ нихъ пролетѣла на мгновеніе свѣтъ въ его измученную душу; другая сейчасъ же, вслѣдъ за нею, страшнымъ гнетомъ ложится на сердце...

Вотъ вспомнилось Абраму прощанье съ Паре передъ отъѣздомъ на лѣсованье. Она была грустна, но нѣжна, полна заботливой тревоги о милومتъ. Путь дальній и трудный. А сколько опасности въ охотѣ!.. И болѣзнь и звѣрь.. Паре безпокоилась. Абрамъ былъ также грустенъ. Его сердце гнетомъ какое-то тяжелое, смутное предчувствіе. Ему даже пришла мысль тогда, что онъ въ послѣдній разъ обнимаетъ Паре. Конечно, онъ не могъ предполагать того, что случилось, а думалъ напротивъ, то самъ погибнетъ въ лѣсахъ или Паре разлюбитъ его во время отсутствія. Когда онъ высказалъ такое предположеніе, дѣвушка обидѣлась и отвернулась отъ него, рѣзко сказавъ: Кто неволить лгать меня? Не купилъ, а сама иду!.. Счастливый, упрекая себя, бросился онъ цѣловать невѣсту, прося не сердиться и простить его.

— А если я умру на охотѣ?—вдругъ сказалъ онъ.

Паре вздрогнула отъ этихъ словъ.

— Къ чему ты говоришь такъ?—произнесла она.

— Паре, все мы подъ Богомъ.

Дѣвушка помолчала съ минуту и сказала твердо:

— Я ни за кого не пойду тогда!

— Паре!—тихо, какъ бы предостерегая, замѣтилъ женихъ.

— Я знаю, что говорю!—повторила дѣвушка.

— Ну, Паре, смотри... чтобы ни случилось...

— Я твоя и никого болѣе!—досказала невѣста.

Вспомнились эти слова Абраму и вдругъ снова поднялся авшій духъ его.

въ сѣверныхъ лѣсахъ.

„О, она крѣпка въ словѣ! Значить... Да развѣ она могла предполагать, что ты сдѣлаешь то, что сдѣлалъ?.. Она и не думала объ этомъ“, безпощадно разбилъ сладкія надежды вступившій голосъ. И сердце бѣднаго Абрама опять упало. Между тѣмъ землю начали окутывать сумерки. Онъ прошелъ озеро, снова вступилъ въ лѣсную чащу, въ которой исчезъ такъ же, какъ крохотная рыбка исчезаетъ въ водной безднѣ. Онъ остановился только на минутку, скользнувъ взглядомъ по деревьямъ и зашагалъ далѣе.

Сгушавшіяся тѣни и мертвая тишина въ этой безпредѣльной лѣсной громадѣ могли бы смутить душу всякаго, кромѣ зырянскаго Абрама. Онъ шелъ ровно, словно по столбовой дорогѣ. Что-то хрустнуло. Абрамъ остановился. Послышался слабый трескъ, невдалекѣ сухая вѣтка, обломившись подъ тяжестью нависшаго на ней обледенѣлаго снѣга, съ шумомъ рухнула на землю. Абрамъ безучастно скользнулъ по ней взоромъ... Ему знакомы были шорохи и шумы родного лѣса...

— Да и чего бояться?—подумалъ онъ. — Если звѣрь, съ нимъ лучше... что теперь въ жизни?

Онъ вдругъ остановился и вздрогнулъ невольно отъ неожиданной мысли покончить съ собою. „Все сразу, дѣла въ китайникъ, съ повойникомъ на головѣ, поверхъ кото-
— Ни тоски, ни мученій...“ Онъ взглянулъ на высокую прямую сосну. „Вотъ здѣсь, сейчасъ... Иѣсколько минутъ—и готово! Не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ?..“

Но ему стало вдругъ страшно, и онъ, словно спасаясь отъ кого-то, словно боясь, что если замедлить, то будетъ уже поздно, быстро пошелъ впередъ, утѣшая себя, что еще не все кончено, что и для него возможны еще радости въ жизни. Онъ оглядѣлъ вѣковую ель, широко разсѣвшуюся между группами сосенъ, быстро пошелъ впередъ, чтобы достигнуть небольшой поляны. Отъ нея до дому оставалось всего верстъ 25, и Абрамъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю ночевку на этой полянкѣ.

На другой день, лишь только забрезжили свѣтъ, Абрамъ уже на ногахъ. Костеръ давно потухъ и онъ проснулся съ холодною дрожью во всемъ тѣлѣ. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть мать и невѣсту и въ то же время страшился предстоявшаго свиданія... Онъ перекрестился и пустился въ путь, очутившись снова подъ сводомъ чащи...

Морозъ закрѣпчалъ. Дулъ холодный, сѣверный вѣтеръ. Снѣгъ звонко хрустѣлъ и скрипѣлъ подъ ногами. Качаясь отъ вѣтра, деревья потрескивали. Теперь лѣсъ шелъ непрерывною стѣною вплоть до самой деревни, въ которую Абрамъ предполагалъ прийти подъ вечеръ. Ноги его уже утомились, и онъ не могъ отмахивать по столько верстъ въ день, какъ въ первое время, когда оставленіе пывзана. Онъ шелъ мѣрно, вовсе уже не обращая вниманія на деревья, такъ какъ началась мѣстность, по которой онъ могъ пройти, какъ говорится, съ закрытыми глазами. И чѣмъ ближе онъ подходилъ къ деревнѣ, тѣмъ трепетнѣе билось его сердце, волнуемое разнородными чувствами.

III.

Небольшая зырянская деревушка была погружена въ полумглу, въ которой кое-гдѣ мелькали свѣтлыя точки. То зажглись вечерніе огни въ керкахъ, гдѣ хозяева еще не ложились спать, а хотѣли поработать что-нибудь передъ сномъ.

Въ самой крайней керкѣ, на лавкѣ, у большого стола, подъ лужницею, сидѣла старуха, лѣтъ 50-ти, съ широкимъ сухимъ лицомъ, съ глазами, ушедшими глубоко въ орбиты. Она была одѣта въ китайникъ, съ повойникомъ на головѣ, поверхъ котораго еще былъ повязанъ платокъ. Старуха сидѣла въ самомъ углу и разбиралась въ какомъ-то тряпѣ. Вдругъ она вздрогнула отъ неожиданнаго легкаго стука въ окно.

— Кто тамъ?—пугливо спросила она по-зырянски, подходя къ столу и прильнувъ лицомъ къ полузамерзшему стеклу.

— Я,—произнесъ тихій голосъ за окномъ.
— Господи Іисусе!.. Святой Стефанъ!—перекрестилась старуха, тшатываясь;—это какое-то видѣніе...

Она узнала голосъ сына, но, считая невозможнымъ его появленіе въ эту минуту, сочла фигуру мужчины, стоявшаго на улицѣ, за видѣніе. Однако она снова подошла къ окну и начала бормотать на него.

— Пусты же, матушка, это я,—произнесъ тотъ же голосъ. Старуха была поражена. И голосъ, и лицо сына, насколько она могла различить черезъ стекло... Но какъ это можно допустить? Если боленъ, то лечили бы тамъ, не пустили бы сюда одного. Она стояла въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать:

сѣсть ли на мѣсто, предоставивъ св. Стефану прогнать видѣнныя или итти и отпереть дверь. Стукъ и болѣе громкій, раздавшійся въ третій разъ, поколебаль рѣшимость старухи, уже хотѣвшей занять прежнее мѣсто на лавкѣ, и она, крестясь и творя молитву, направилась къ двери.

— Кто тамъ? — повторила она, не безъ страха глядя во тьму. Захрустѣлъ снѣгъ и послышались твердые мужскіе шаги. Старуха отодвинулась въ сторону, чтобы пропустить фигуру, одетую въ малицу, обыкновенную зырянскую одежду, которая шлепала изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ. Въ рукахъ вошедшій держалъ совику — одежду нѣсколько похожую на малицу.

— Здравствуй, матушка! Ужели не узнала? — промолвилъ вошедшій, помолясь Богу и кланяясь старухѣ.

— Абрамъ! — не сразу могла выговорить послѣдняя.

— Я, матушка. Что? Не ждала? — упавшимъ голосомъ промолвилъ онъ, замѣтивъ недоумѣніе или даже испугъ матери.

— Да какъ ты? Зачѣмъ? — промолвила старуха съ тревогою.

Абрамъ не имѣлъ силы сразу сказать матери всю правду.

— Да такъ, — началъ онъ, опускаясь машинально на лавку.

— Неправда... Не могло быть такъ... что нибудь случилось. Сынъ молчалъ.

— Да говори же, что именно? — уже дрожащимъ голосомъ спросила старуха.

— Несчастье, матушка! — сказалъ вдругъ Абрамъ такимъ тономъ, точно своими словами онъ самъ себя произносилъ смертный приговоръ.

Голосъ его задрожалъ и руки безнадежно опустились.

— Абрамъ! Что такое?.. Говори скорѣе! — уже задыхаясь, молвила мать, подходя близко къ сыну и устремляя на него испытующій взглядъ, полный тревоги и тоски. Сердце старухи замерло отъ предчувствія страшнаго горя. Но Абрамъ молчалъ. Его лицо было блѣдно, губы дрожали.

— Абрамъ, что же ты не отвѣчаешь? — воскликнула старуха.

— Да что же мнѣ отвѣчать! — съ отчаяніемъ въ голосѣ проговорилъ Абрамъ; — изгнали меня... изгнали!..

Онъ не могъ сдерживаться болѣе и зарыдалъ — тяжело,

рыдаютъ люди, когда слезы душатъ, подступаютъ къ горлу и не облегчаютъ сердца, вырываясь обильно наружу...

— Изгнали.. тебя... за что? — чуть слышно произнесла мать, охваченная ужасомъ и пораженная страшною вѣстью.

— Мы шли съ Якушемъ... медвѣдь... меня охватилъ страхъ... и я...

— Бѣжалъ?! — перебила мать такимъ тономъ, который говорилъ, что старуха не могла ожидать чего-нибудь болѣе ужаснаго, какъ то, что сообщилъ ей сынъ.

Абрамъ не отвѣчалъ. Онъ не могъ произнести болѣе ни слова, — словно кто схватилъ ему горло крѣпкими щипцами... Да и къ чему? Все понятно.. Старуха молча глядѣла на сына и вдругъ громко зарыдала. Ея послѣдняя надежда была разбита.

— Абрамъ. Абрамъ! — могла только произнести мать и опустилась на лавку какъ подкошенная.

И сынъ и мать молчали. Прошло нѣсколько тѣхъ ужасныхъ минутъ, въ которыя люди мгновенно сдѣлываютъ или навсегда теряютъ веселость. Старуха заговорила первая.

— Что же ты намѣренъ дѣлать теперь? — обратилась она къ сыну пресѣкшимся голосомъ; въ немъ звучала страшная горечь то тяжелое невыразимое чувство, какое испытываетъ человѣкъ, безславенный самымъ дорогимъ существомъ.

— Надо уходить, — тихо отвѣтилъ сынъ.

Въ его отвѣтъ старухѣ послышалось колебаніе, и она произнесла съ рѣшительностью, очевидно, дорого стоившей ей:

— Не уходить, а бѣжать! Иначе тебя вся деревня... ребята засмѣютъ и не дадутъ проходить... Уходи, чтобы никто и не видѣлъ, и не зналъ!

Тяжелый вздохъ, правильнѣе — стонъ, вырвался изъ груди старухи.

— Абрамъ, Абрамъ! покрылъ ты срамомъ мою старую голову... себя погубилъ, и меня! — проговорила она, качая головою и глядя съ тоскою на сына.

Она опять горько заплакала, но на этотъ разъ безъ рыданій, какъ бы примирившись уже съ горемъ.

— Ты былъ единственною моею утѣхой, — начала она сквозь слезы, — и вотъ что ты сдѣлалъ!.. Твой отецъ погибъ на охотѣ, мать убитъ на войнѣ... Думала я, что ты и молодая невестка

закроете мнѣ глаза. А вмѣсто того, придется умирать одной одиношенькой, снося укоры и срамъ отъ людей.

Она говорила тихо, задумчиво, и слезы ручьемъ бѣжали по ея изсохшему, морщинистому лицу.

— И что теперь будетъ съ Паре?—добавила мать, спустя много, вытирая слезы. — Легко ей, думаешь?.. Вѣдь и она-сраму не оберется!.. Стыдъ, стыдъ какой!.. женихъ ея—отверженный!.. Ахъ, ахъ, Абрамъ!.. Лучше бы умереть, чѣмъ сносить такой срамъ!

Сынъ вскопчилъ съ лавки.

— Чтожъ, матушка!.. Если такъ, я самъ покончу съ собою, съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ.

— Ты это что? — отвѣтила мать; — да въ умѣ ли ты? Окретись! Одну бѣду незамолимымъ грѣхомъ поправить хочешь? И тебѣ мало здѣшняго безславія, такъ хочешь и вѣчнаго?.. Здѣсь-осрамилъ меня, да и тамъ-то моей душенькѣ не хочешь дать покойствія?..

Голосъ старухи зазвучалъ сурово и гнѣвно. Она хотѣла еще что-то прибавить, но въ эту минуту за дверью послышались чьи-то шаги. Мать и сынъ устремили свои взоры по направлению къ двери.

Въ керку вошла молодая, статная дѣвушка, со свѣжимъ и роющимъ лицомъ и немного выдавшимися скулами. Черты лица дѣвушки были красивы и симпатичны. Темная русая коса свисала ниже пояса; голубые глаза смотрѣли весело и открыто. Плотный станъ ея красиво облегалъ своеобразный костюмъ, стоявшій изъ свободной самотканной длинной рубахи съ красной оторочкой по подолу, надѣтой поверхъ короткой юбки, тоже оторочкой, но другого цвѣта.

Это—Паре, жившая всего черезъ два дома и потому такъ легко прибѣжавшая къ своей будущей свекрови, чтобы спросить у нея кое-что по хозяйству. Увидѣвъ Абрама, дѣвушка вдругъ измѣнилась въ лицѣ, на которомъ разомъ отразились удивленіе, радость, испугъ. Она нѣсколько времени молча глядѣла на него, какъ бы желая угадать причину его возвращенія и совладавъ съ мыслями.

— Ты это какъ? — промолвила она, наконецъ, нетвердымъ голосомъ.

Абрамъ молчалъ, опутивъ низко кудреватую голову. Паре посмотрѣла на старуху, потомъ опять на жениха—и ей вдругъ все стало ясно.

— Ты... тебя изгнали?—едва слышно произнесла она и, не дождавшись отвѣта, понимая его по самому молчанію, заломила руки и грохнулась на лавку...

Абрамъ вскопчилъ и бросился къ Паре. Она сидѣла блѣдная, съ плотно стиснутыми губами. Изъ ея груди не вырвалось ни стона, ни вздоха. На глазахъ—ни одной слезинки. Взглядъ дикий, обострившійся...

— Паре... Паре... милая! — упалъ передъ нею на колѣни Абрамъ; — прости меня!.. уйдемъ... бѣжимъ вмѣстѣ!

Она оттолкнула его рукою и выпрямилась во весь ростъ. Губы ея дрожали. Она хотѣла сказать что-то, но не могла. Съ ея поблѣвшихъ губъ сорвалось только одно слово, и то едва слышно: „Оставь!..“

Она еще съ минуту простояла на мѣстѣ, глядя въ упоръ на жениха, и вдругъ кинулась вонъ.

— Прощай!.. Навсегда! — крикнула она сквозь душившія ее рыданія.

Абрамъ остался на мѣстѣ, ошеломленный, растерявшійся. Онъ не ждалъ этого. Онъ хотѣлъ объясниться, надѣялся, что Паре выслушаетъ его и даже, можетъ-быть (у него все еще жила эта надежда), согласится бѣжать съ нимъ вмѣстѣ... И вдругъ... Очнувшись, придя въ себя, онъ хотѣлъ броситься за невѣстой. Но мать остановила его.

— Не ходи! — сказала она. — Если и не погибло все, то не теперь... Теперь оставь...

Между тѣмъ она была убѣждена, что все кончено. Сынъ посмотрѣлъ съ тоскою на мать и покорно опустился на лавку. Тяжелую, безсонную ночь провели мать и сынъ. Забрезжившій утренній свѣтъ засталъ ихъ сидящими. Мать точно застыла вся въ своемъ горѣ, между тѣмъ какъ Абрамъ безпрестанно то вскакивалъ, то снова садился, словно не находя себѣ мѣста, не зная что дѣлать.

Три раза ходила старуха въ керку Пары, чтобы тихонько вызвать ее и увести къ себѣ, но дѣвушки не было дома. Она исчезла куда-то, а куда именно—не знали и домашніе. Про-

шелъ день, прошло два дня — ея не было. Въ деревнѣ всѣ заговорили. Абраму нельзя было оставаться болѣе у матери, — и онъ въ глубокий вечеръ, снаряженный рыдающей старухой, пробрался задворками за околицу деревни, чтобы уйти изъ не навсегда — въ далекіе, чужіе края и тамъ окончить свои дни.

Страшно сжалось сердце несчастнаго, когда онъ проходилъ мимо керки невѣсты...

— Паре, Паре! — прошептали беззвучно его губы, и въ головѣ его опять мелькнула роковая мысль — покончить съ собою. Онъ ушелъ изъ деревни — и никто доселѣ не знаетъ, гдѣ она коротаетъ ли горькую жизнь на чужбинѣ или не вынесъ изгнанія и наложилъ на себя руки? Несчастная, гордая красавица перенесла униженія и бросилась въ прорубь. Весною мутныя волны лѣсной рѣчки прибили ея трупъ къ рыбному заколу...

Старуха жива и до сихъ поръ. Какъ тѣнь бродитъ она по поселку. Никто ни однимъ словомъ не рѣшается напомнить ея о сынѣ; но ея подозрительность въ каждомъ взглядѣ читаетъ упреки и презрѣніе... Когда же старухѣ попадаетъ на костыляхъ изуродованный Якушъ, она мгновенно мѣняется въ лицѣ и дрожащая спѣшитъ свернуть въ сторону.

М Е С Т Ъ .

I.

Весна на сѣверѣ начинается очень быстро. Еще пята деревъ въ снѣгу, а на вершинѣ уже развертывается листвокъ и свѣтитъ изумрудомъ на солнцѣ.

На ряду съ разцвѣтающими молодыми деревьями рушатся старые пни и колоды. Вотъ дерево, въ которое когда-то ударила молнія и расщепила стволъ по срединѣ. Пришла весна. Но онъ не для него: ея ласки не возродятъ его. Голыя вѣтки торчатъ какъ прутья, кора посѣрѣла и сморщилась. Корни не тянутъ болѣе изъ земли питательной влаги, отъ которой надуваются кора и наливаются почки. Жалкій остовъ дисгармонируетъ с

общей картиной возрожденія. Напрасно дерево будетъ бороться со смертью: хирѣя все болѣе и болѣе, оно скоро погибнетъ; корни подгниютъ и подломятся. Дерево осадетъ и накренится. Первый порывъ сильнаго вѣтра, и оно упадетъ, уступитъ мѣсто молодой поросли, которая уже пустила свѣтлые корни промежъ старыхъ и темныхъ. Жизнь идетъ, крича безжалостно: „прочь съ дороги, жалкій инвалидъ!“

А все, что способно къ жизни, спѣшитъ нарядиться въ зеленую одежду, чтобы торжественно встрѣтить праздникъ весны. Вотъ и листва развернулась, еще блѣдно-зеленая, тонкая и мягкая. Шумъ ея при вѣтрѣ тихъ и нѣженъ; листки будто еще учатся перетовариваться между собою. Солнце пронизываетъ листву лучами. Дерево, освѣщенное солнцемъ, даетъ кружевную тѣнь на землѣ. Воздухъ чистъ и прозраченъ. Небо блѣдно-голубое. Всѣ краски нѣжны и свѣтлы. Атмосфера напоена тонкимъ ароматомъ зелени и запахомъ согрѣвающейся земли.

Птицы засновали вездѣ и впередь. Просыпается царь лѣса — медвѣдь и грузно поднимается изъ берлоги. Онъ сладко потягивается, расправляя отеки члены и съ пріятностью нюхая свѣжій воздухъ. Зарыскало веселѣе мелкое звѣрье. Все ожило и зашевелилось.

А весна идетъ съ веселой улыбкой на молодомъ челѣ. И вотъ мало-по-малу листва становится гуще, ея окраска ярче. Снѣгъ окончательно стаетъ, и на его мѣстѣ вырастаетъ трава. Кое-гдѣ она начинаетъ блестѣть желтыми глазками одуванчиковъ, бѣлыми колокольчиками ландышей, синими и красными цвѣтами. Словно природа — этотъ великій художникъ — по однообразному зеленому фону сдѣлала тамъ и сямъ нѣсколько небрежныхъ яркихъ мазковъ кисти. Они такъ и остались пятнами, придавая общему виду болѣе жизни и разнообразія. Солнце долѣе засматривается на землю. Лучи его горячѣе. Деревья уже раскинули въ лазурной выси цѣлый шатеръ изъ листьевъ, въ тѣни котораго человѣкъ можетъ укрыться отъ полуденнаго зноя. Вся растительность достигаетъ полнаго цвѣта. Наступаетъ лучшая пора на сѣверѣ; уже тепло, а еще нѣтъ ни „солнечнаго пекла“, ни докучливой мошкеры и комаровъ, отъ которыхъ плохо защищаютъ и зырянскіе „накомарники“.

Стояла именно эта благодатная пора.

Было утро. Недавно взошедшее солнце освѣщало лишь вершины деревьевъ розовымъ свѣтомъ. Роса въ видѣ чистыхъ слезъ повисла на листьяхъ Омытые, они казались прозрачными. Хвоя рѣзко выдѣлялась темною окраскою. Лишь концы вѣтвей были свѣтлы, точно надставленные. На небѣ ни облачка. Деревья стояли, не шелухнувшись. Тишина лѣса нарушалась рокотомъ ручья, низвергавшагося со стремнины въ оврагъ, гдѣ онъ бѣжалъ по дну, теряясь въ почвѣ, — да разнородными голосами птицъ, привѣтствовавшихъ утро. Оба берега оврага были круги, поднимаясь неровными возвышенностями и образуя на своемъ протяженіи нѣсколько „лысыхъ маковокъ“. Такимъ образомъ почва казалась какъ бы взрытою гигантскою лопатою, причемъ земля легла какъ поало. Бугры раздѣлялись между собою провалами, ямами и ровными гладами.

Въ свѣжѣмъ воздухѣ разливался смолистый аромать, струившійся отъ сосенъ. Онѣ были унижены мягкими иглами въ видѣ свѣчей. Вѣлоселенія, прямостоящія, онѣ покрыли деревья отъ маковокъ до конца вѣтвей. Испареніе отъ земли на солнцѣ смѣшалось съ запахомъ смолы, въ видѣ оиміама курившейся въ не-образимомъ храмѣ природы. Это грандіозное зрѣлище свойственно лишь сѣвернымъ лѣсамъ сплошной хвои, тянувшейся безъ перерыва на нѣсколько верстъ. Картина—дорога для сердца зырянина—сына лѣсовъ, гдѣ онъ проводитъ половину своей полу-номадской жизни. Грубое дитя природы, далекій культуры онъ любитъ свои угрюмые лѣса и въ свободную минуту подолгиваетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, слѣдя за плывущими облаками, вперивъ взоры въ купу сосенъ, вдыхая ихъ ароматы, прислушиваясь къ шороху бѣлки, къ крику пугача, къ пѣнію малиновки, къ монотонной долбнѣ дятла, къ журчанью лѣсного ключа. Зырянинъ — поэтъ въ душѣ; въ охотѣ, помимо матеріальной въ годы, — онъ видитъ наслажденіе. Трудъ земледѣльца слишкомъ будниченъ для него; охота же, съ ея тревогами и приключеніями, сильнѣе говоритъ его сердцу. Зырянинъ коми-мортъ (лѣсной человѣкъ) — чуждъ полю. Его стихія — лѣсной океанъ гдѣ легко затеряться, погибнуть, но гдѣ самая опасность таитъ въ себѣ чарующую прелесть. Моряка убаюкиваютъ морскія волны, зырянинъ засыпаетъ сладко подъ шумъ сосенъ и кедровъ.

Въ то самое утро, съ котораго начинается нашъ рассказъ

на самомъ высокомъ бугрѣ описанной мѣстности стоялъ молодой зырянинъ, одѣтый въ широкіе холщевые штаны и такую же рубаху, въ самодѣльной шляпѣ на головѣ. Онъ жадно глядѣлъ на разстилавшуюся мѣстность, надъ которою господствовала возвышенность. Онъ былъ въ обычномъ настроеніи духа, что и отражалось на широкомъ, нѣсколько скуластомъ лицѣ, съ маленькимъ носомъ и большимъ ртомъ, и дѣлало это загорѣлое лицо, обрамленное жидкою растительностью, менѣе некрасивымъ. Раздвинувъ немного ноги, зырянинъ походилъ на какое-то каменное изваяніе, сдѣланное рукою самоучки-скульптора, — грубое, аляповатое, но крѣпкое. Парень былъ коренастъ и, повидимому, свою мощь немного уступалъ медвѣдю. Нѣсколько сутуловатая, широкая спина съ выдавшимися лопатками говорила о способности вынести какую угодно тяжесть. Большія руки и ноги съ желѣзными мускулами просили работы и отрицали усталость. Въ немъ все было топорно, но сильно и прочно. Онъ являлся какъ бы олицетвореніемъ физической силы. Но въ этомъ большомъ и нескладномъ тѣлѣ жила душа, способная наслаждаться картинами природы, доступная впечатлѣніямъ прекраснаго.

Невдалекѣ отъ бугра виднѣлась лѣсная тропинка, змѣей извивавшаяся между деревьями. Она вела къ деревнѣ, расположенной за нѣсколько верстъ. Отводя свой взглядъ отъ ближайшей картины, зырянинъ устремилъ его въ даль, гдѣ острое зрѣніе отлично различало на горизонтѣ лѣсной поселокъ. Онъ долго смотрѣлъ туда и его лицо озарилось мимолетною нѣжною улыбкою, за которой слѣдомъ пробѣжала по лицу тревога. Она перешла снова въ задумчивое спокойствіе, и парень тихо опустился на землю. Онъ легъ на животъ, подперъ подбородокъ руками и устремилъ глаза вдоль лѣсной тропинки.

II.

Онъ лежалъ, не двигаясь, упорно глядя по одному направлению и какъ бы прислушиваясь. Онъ ждалъ кого то, навѣрное.

Лицо было спокойно и не выдавало внутренней тревоги и тѣхъ думъ, что одна за другою проносились въ головѣ парня. Онъ приготовился къ рѣшительному шагу, бросая на ставку свое счастье. Онъ уже давно боролся самъ съ собою, боясь

этого рѣшительнаго момента. Красавица сосѣдняго поселка, полногрудая Одэ, завладѣла сердцемъ трудолюбиваго, но неуклюжаго и некрасиваго Пэдэра. Она полонила его мысль, его думы, его покой и сонъ. На охотѣ, въ самый горячій моментъ, парень вдругъ опускалъ свою винтовку, отдаваясь думѣ о красивой зырянкѣ. Онъ билъ птицу съ мыслию объ Одэ, съ мечтою о ней же рано подымался съ жесткихъ наръ пывзана и съ тѣми же мечтами возвращался въ него. Когда товарищи, поужинавъ плотно, забавлялись шутками и разсказами на сонъ грядущій, Пэдэръ молча сидѣлъ въ углу и думалъ о дѣвушкѣ, рисуя себѣ ея дорогой образъ. Привыкшій съ дѣтства къ лѣсу, онъ тосковалъ въ немъ по Одэ, которой приносилъ лучшую добычу въ подарокъ. Дѣвушка брала, но не дѣлалась къ нему ласковѣе. Правда, иногда она будто мягче относилась къ своему поклоннику, но и въ этой мягкости звучала всегдашняя насмѣшка, которая временемъ превращалась въ жестокое и безсердечное глумленіе. Чаще всего Одэ не замѣчала влюбленнаго Пэдэра, оказывая вниманіе болѣе красивымъ и въ особенности красавцу, ловкому стрѣлку Петырю. Но и этотъ не могъ похвастаться побѣдой: властная лѣсная красавица круто держала себя относительно всѣхъ парней, и сегодняшняя ласковая улыбка еще не мѣшала завтрашнему грубому и рѣшительному: „убирайся къ Ягъ-Морту!“ Но на долю Пэдэра не выпало ни одной такой улыбки, зато онъ видѣлъ много насмѣшекъ, слышалъ не мало колкихъ рѣчей. И все-таки онъ продолжалъ любить Одэ. Онъ жилъ надеждою, вынося оскорбленія. Эти послѣднія словно укрѣпляли еще любовь его. Онъ не смѣлъ прямо приставать къ дѣвушкѣ, но ходилъ за нею всюду, ища случая играть вмѣстѣ и быть близко. Онъ замѣтилъ и почувствовалъ расположеніе Одэ къ Петырю. Но онъ надѣялся взять верхъ надъ бѣднымъ и лѣнивымъ красавцемъ.

У Пэдэра былъ одинъ пріятель — не другъ даже, а только хорошій пріятель. Онъ разгадалъ чувства Пэдэра и сказалъ какъ-то ему:

— Что-жъ ты думаешь, Пэдэръ, насчетъ Одэ?

— А что?

— Да я такъ полагаю: лови урку (бѣлку), пока она прыгаетъ на волѣ. Изъ чужихъ сѣтей брать не придется!

— Я и не возьму чужой добычи, — отвѣтилъ Пэдэръ.

— Такъ ты, стало-быть, не хочешь бить ее изъ своей винтовки?

— Я не сказалъ этого.

— Не думаешь ли ты, что она будетъ сидѣть и дожидаться тебя на одной и той же вѣткѣ? Охотниковъ много, гляди.

— Я знаю.

— Не упустя. Не вдали отъ тебя — Петырь. Онъ уже давно прицѣлился и, пожалуй, выстрѣлитъ прежде тебя.

— Авось промахнется!

— Не спорю.

На этомъ разговоръ пріятелей и кончился. Вскорѣ вдругъ началъ ходить слухъ по околотку, что Петырь намѣренъ сватать Одэ.

Это извѣстіе всколыхнуло Пэдэра. Въ самомъ дѣлѣ: урка можетъ быть подстрѣлена раньше... Парень рѣшился поставить вопросъ прямо. Коли любитъ Петыря — такъ и конецъ всему, а если еще можно — онъ употребитъ всѣ усилія. Онъ не будетъ молчать болѣе. Онъ все ей скажетъ.

Однако онъ боролся самъ съ собою и медлилъ больше недѣли. Но весна все сильнѣе и сильнѣе волновала его кровь, ея чары опьянили его и пересилили робость. Онѣ дали ему языкъ и смѣлость, и онъ рѣшился объяснить все Одэ. Онъ зналъ, что она каждый день носитъ пипу отцу, работавшему въ лѣсу, и сталъ ее подкарауливать. Но три дня онъ напрасно ждалъ ее. Она почему-то не приходила. Сегодня онъ въ четвертый разъ вышелъ на своей постъ и, стоя на бугрѣ, увидѣлъ издали фигуру Одэ. Онъ лежалъ теперь въ ожиданіи ея приближенія.

Вотъ раздался невдалекѣ трескъ сухого валежника подъ чьими то шагами. Черезъ нѣсколько мгновеній и шаги стали явственнѣе. Еще никого не было видно, когда раздался, уже совсѣмъ близко, за купою сосенъ, женскій голосъ, пѣвучій и мелодичный, какъ лѣсной потокъ. Онъ пѣлъ одну изъ зырянскихъ пѣсенъ, что-то въ родѣ гимна красотѣ и ловкости молодого охотника. Звуки этого голоса нарушили спокойствіе Пэдэра. Страсть мелькнула въ его глазахъ и первою дрожью пробѣжала по всему тѣлу, отразилась на лицѣ, заливши его волною здоровой крови.

Онъ быстро поднялся съ земли и соскочилъ съ бугра. Въ эту минуту изъ-за сосенъ, по тропинкѣ, показалась высокая статная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, въ бѣлой холщевой рубашкѣ, съ ситцевыми рукавами, сверху которой былъ накинута ситцевый же сарафанъ. Голову прикрывала яркій платокъ, изъ подъ него спускалась густая русая коса, съ вплетенной въ нее голубою лентою. Дѣвушка несла въ одной рукѣ небольшую корзинку, а другою помахивала въ тактъ. Пэдэръ остановился на тропинкѣ, впиваясь глазами въ приближавшуюся дѣвушку. Она шла, сперва не замѣчая его, продолжая пѣть. Но вотъ она подняла голову, увидѣла парня и остановилась. Одно мгновение, и темныя брови, правильными дугами расположенныя надъ выразительными черными глазами, нахмурились. Но онъ сейчасъ же разгладились, какъ бы подъ вліяніемъ другой мысли, прогнавшей первую, и дѣвушка, хлопнувъ себя по ногѣ свободною рукою, воскликнула насмѣшливо:

— Ты что тутъ караулишь, лѣсной красавецъ? Ужъ не меня ли ждешь?

Она подошла близко къ парню и, смѣясь, хотѣла пройти далѣе, но Пэдэръ заступилъ ей дорогу своей мощной фигурой.

— Ода, — промолвилъ онъ такимъ тономъ, будто однимъ этимъ словомъ хотѣлъ выразить все, что таилось у него въ душѣ.

— Что тебѣ? — кинула дѣвушка.

— Ода, выслушай меня.

Онъ попробовалъ было положить руку на плечо дѣвушкѣ, но она отстранилась отъ него, воскликнувъ съ грубой насмѣшкой.

— Куда полѣзъ? Плечо отломишь, черная немочь (медвѣдь)! Ну, чего тамъ еще. Говори скорѣй, мнѣ недосугъ, да и не сладко говорить-то съ тобою...

— Ода, — промолвилъ парень, какъ бы съ трудомъ, призывая на помощь всю смѣлость и не слыша только-что сказанной рѣзкости: — Ода, выходи за меня!

Дѣвушка громко захохотала.

— Ахъ, чучело лѣсное, да ты никакъ съ ума снятилъ! — воскликнула она съ явнымъ пренебреженіемъ; — аль ты распотѣшить меня хочешь?

Этотъ хохотъ нервно передернулъ личные мускулы Пэдэра,

но онъ подавилъ въ себѣ всю боль, почувствованную отъ насмѣшки, и промолвилъ мягко, тономъ кроткой мольбы:

— Ода, не до шутокъ мнѣ теперь. И зачѣмъ ты говоришь такъ? Твои слова язвятъ мое сердце больнѣе, чѣмъ пули.

— Такъ ты и вправду это? — удивилась дѣвушка.

— Ктожъ въ шутку говоритъ такъ? Я давно хотѣлъ сказать, давно...

— Такъ вотъ зачѣмъ ты ходилъ всюду за мной. Ахъ, ты, медвѣдь, медвѣдь!

Ода покачала головою съ пренебрежительнымъ сожалѣніемъ и слова расхохоталась.

— О! — воскликнула она вдругъ, — и онъ меня спрашиваетъ. Да что тутъ еще: такой красавецъ — и не выходить за него! Одна нога тяжелѣй медвѣжьей туши... Гдѣ сыскать другого такого красавца писанаго. Развѣ что Ягъ-Мортъ былъ лучше тебя.

Каждое слово Ода, какъ раскаленные щипцы, ущемляли сердце парня.

— Ода, Ода, — мѣняясь въ лицѣ, перебилъ онъ, — не бей птицы, связавши ей крылья! Ты много ужъ разъ обижала меня... за что, за что? Но я не помню тебѣ за это... я, видишь, говорю тебѣ прямо. Чтожъ худого говорю я? О, тебѣ хорошо будетъ. Я не пьяница. Я умѣю работать. Не пожалѣй себя для тебя. Я сошью тебѣ шубку изъ чистыхъ лисицъ. Изъ урокъ шубку сошью. Я схожу за Камень (Уралъ) и добуду тебѣ соболя. Веѣ лѣса исхожу, — а ужъ добуду. Ты не будешь знать качи (хлѣба изъ пихтовой коры). Ты не вѣришь? — воскликнулъ онъ, принявши насмѣшливый взглядъ дѣвушки за выраженіе недовѣрія, — ты не вѣришь? О, я не лгу, Ода! Я не умѣю лгать. Что обѣщаю, — я то исполняю.

Онъ выпрямился, и сознаніе внутренняго достоинства сообщило его нескладной фигурѣ какое-то своеобразное благородство.

— Ты говоришь, что я медвѣдь, — произнесъ онъ съ горечью; — чтожъ, медвѣдь — не волкъ и не лисица, Ода! Медвѣдь — честный звѣрь! Онъ не знаетъ лжи, прямо идетъ на охотника. На него можно больше положиться, чѣмъ на волка. Волкъ подлый звѣрь, хотя быстрый и ловкій. Я не волкъ, Ода!

— Будетъ тебѣ хвалиться-то, — перебила его вдругъ дѣвушка; —

откуда и слова взялись! Все время молчалъ, только ходилъ, словно тѣнь какая за мной, а тутъ и языкъ объявился.

— То не языкъ говорить, Одэ, — вырвалось у Пэдэра, — сердце мое говорить! Полонила ты его, словно птицу въ силки. Отняла у меня сонъ и разумъ.

— Оно и видно, — засмѣялась дѣвушка, — былъ бы разумъ, — не сталъ бы приставать съ такими рѣчами. Ишь, расписалъ какъ себя. Бѣлъ снѣгъ, да не вкусенъ. Слышалъ? И ты тоже: хорошъ, да не любъ!

— Отчего это! Одэ?

— Вотъ дурень! да оттого, что не по сердцу. Отчего малиновка не ластить ворона, аль лисица медвѣдя?

— Не пара, стало-быть, я тебѣ?

— А то чтожъ ты думалъ? — дерзко крикнула Одэ: — парамнѣ? Можетъ, ты давно не видалъ себя? Ступай-ка, поглядишь въ рѣчку лучше!

И она окинула съ презрительнымъ пренебреженіемъ фигуру парня, который, дѣйствительно, являлся полнымъ контрастомъ съ нею.

Статная, высокая, съ полнымъ лицомъ, съ небольшимъ, но красивымъ лбомъ, со щеками, на которыхъ заревомъ пылалъ румянецъ, съ полными малиновыми губами, при разговорѣ обнажавшими два ряда крѣпкихъ, будто слоновой кости, изъ-желта бѣлыхъ зубовъ, Одэ была положительной красавицей. Когда она смѣялась, на щекахъ образовывались соблазнительныя ямочки. Отъ всей фигуры лѣсной красавицы вѣяло энергіей и силой. Сознаніе своей красоты жило въ душѣ Одэ и выражалось въ гордой, увѣренной поступи, въ свободныхъ, ловкихъ движеніяхъ и въ рѣзкомъ тонѣ, который усвоила она вообще по отношенію мужчинъ. Одинаковымъ тономъ говорила она и съ Петыремъ, какъ бы боясь иначе дать ему возможность считать себя побѣдителемъ. И этотъ тонъ съ человѣкомъ, который ей нравился, всего болѣе сбивалъ съ толку простого, довѣрчиваго Пэдэра.

Дерзкій вызовъ, брошенный теперь дѣвушкою прямо въ лицо парню, ошеломилъ его на мигъ; Одэ удалась уже на нѣсколько шаговъ, когда онъ востропнулся и быстрыми, неуклюжими прыжками бросился за ней въ догонку и остановилъ ее.

— Да что ты ошалѣлъ въ самомъ дѣлѣ? — уже сердито крик-

нула дѣвушка; — ночевать, что ли, съ тобой въ лѣсу? Что вздумалъ!

— Одэ, — прерывающимся голосомъ промолвилъ парень, — такъ ты не хочешь? Говори прямо.

Дѣвушка посмотрѣла на него глазами, полными недоумѣнія.

— Да ты, я вижу, глупѣе, чѣмъ я думала, — сказала она съ досадою, — ужъ объявила, вѣдь. Да и не видишь развѣ самъ: кабы согласилась, не такъ говорила бы съ тобой!

— Такъ не пойдешь, нѣтъ? А за него пойдешь? — выкрикнулъ Пэдэръ, и глаза его сверкнули.

— Про кого это ты говоришь? — спросила Одэ. — Съ чьего голоса поешь?

— Самъ знаю, — глухо отозвался парень.

— Что же ты знаешь? — наступила на него дѣвушка. — Ну, говори.

— Что знаю! — воскликнулъ Пэдэръ съ отгѣнкомъ отчаянія и злобы, — а то, что тебя хочетъ сватать Петыр. Вотъ что!

— Ну, чтожъ, коли хочетъ... Пускай сватается.

— И ты пойдешь?

— А можетъ, и пойду, отчего нѣтъ? — вызывающе проговорила Одэ, съ дерзкой, насмѣшливой улыбкой глядя въ лицо парня.

— Пойдешь?

— Пойду! — уже утвердительно и еще болѣе вызывающе повторила Одэ. — Вѣдь, онъ не чета тебѣ. Онъ строенъ, какъ сосна; крѣпокъ, какъ кедръ; ловокъ, какъ урка. Его взгляды остеръ, какъ взглядъ ястреба. Онъ румянъ и ясенъ, какъ заря; гибокъ какъ лоза, а ты, ты!..

— Замолчи! — закричалъ Пэдэръ, задыхаясь и хватая за руку Одэ; — замолчи, а то худо будетъ!

Глаза его метнули молніи и зрачки округлились.

— О, да никакъ ты запугать хочешь? — захохотала дѣвушка; — не на такую попалъ! Русскую бы пугалъ лучше. Я не пуглива. Ишь, Ягъ-Мортъ какой: и съ лаской-то постылъ, а онъ еще съ угрозой... пусти, медвѣдь!

Она вырвала у него руку и пошла.

— Нѣтъ, ты не пойдешь за этого волка! — закричалъ Пэдэръ, — я не пушу тебя!

ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ЛѢСАХЪ.

Одэ остановилась и обернулась лицомъ къ нему. Вся ея фигура теперь олицетворяла собою вызовъ.

— Ты? ты непустишь?—произнесла она едва владѣя собою; хотѣла бы я посмотретьъ, что ты сдѣлаешь мнѣ?

— Не тебѣ... нѣтъ...

— Кому же?

Она подошла ближе.

— Я... я... убью его!—выговорилъ Пэдэръ съ яростью.

Дѣвушка задрожала, но не отъ испуга, а отъ злобы; подошла совсѣмъ близко къ парню, впиалась въ него глазами, полными презрѣнія и ненависти.

— Что ты сказалъ? Ты убьешь Петыря? Да? Такъ что же ты думаешь, тогда я пойду за тебя? Да я умру сама, а ужъ за душу тебя... вотъ этими самыми руками задавлю тебя... Слышишь?

Корзина выскользнула на землю при этой фразѣ, которую Одэ произнесла почти шопотомъ, хотя ей казалось, что она крикнула громко. Вся взволнованная, тяжело дыша, она быстро подняла корзину съ земли и крупными шагами пошла впередъ.

Пэдэръ стоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, понуривъ голову. Потомъ онъ поднялъ глаза, какимъ-то страстно отчаяннымъ взглядомъ посмотрѣлъ на удалявшуюся Одэ и бросился снова за нею.

— Одэ, Одэ!—воскликнулъ онъ, подбѣгая къ дѣвучкѣ, прости, не сердись. Не я сказалъ это, не я—горе мое вызвало слова. Одэ!—продолжалъ онъ тѣмъ же молящимъ и страстнымъ голосомъ, идя съ нею рядомъ, — не ходи за Петыря, не ходи! Онъ лѣнтивъ, онъ лукавъ, какъ лиса, вѣроломъ, какъ волкъ. Тебѣ худо будетъ съ нимъ. Онъ красивъ, Одэ, но не всѣ трава въ лѣсу красивыя—полезны... Ядъ во многихъ... Онъ убьетъ тебя, лаская. Онъ выпьетъ блескъ твоихъ глазъ поцѣлуями. Онъ измѣной изсушитъ тебя, — слезы состарятъ тебя. Онъ будетъ тебя кормить качей... Пропадетъ твоя красота, силы и здоровье—украдетъ онъ. За что ты будешь любить его? За что отдашь ему свою красоту? Онъ—волкъ, волкъ... бѣги его!

Пэдэръ остановился и хотѣлъ удержать дѣвучку.

— Прочь, проклятый!—закричала Одэ съ отвращеніемъ; — не могу видѣть тебя болѣе! Уйди! Я умру скорѣе, чѣмъ выйду

за тебя. Что мнѣ твои ласки, когда онъ хуже побосѣвъ. Любить тебя... о, никогда! Лучше смерть отъ голода. Знай, — вдругъ промолвила она, останавливаясь, устремивъ взглядъ,—знай, что я скорѣй умру и убью себя, чѣмъ сдѣлаюсь твоей женой. Не подумай сватать и уластить отца.

И она снова задрожала при одной мысли о возможности подневольныхъ ласкъ, задрожала, охваченная ужасомъ отвращенія.

Она сказала это прерывающимся голосомъ и пошла. Пэдэръ не двигался. Его лицо перекопилось, глаза загорѣлись страшной злобой, но не той, которая вонзаетъ ножъ въ сердце врага, а злобой, способной долго таиться, выжидать и уже затѣмъ съ наслажденіемъ ушиться чувствомъ мщенія.

— О, погоди же!—чуть слышно, блѣдными, дрожащими губами прошепталъ Пэдэръ.

Постоявъ съ минуту на мѣстѣ, онъ повернулъ въ сторону и пошелъ въ чашу, съ какимъ-то ожесточеніемъ ломая вѣтви, попадавшіяся ему на пути. Ему казалось, что онъ ломаетъ что-то живое, чувствующее боль, и это доставляло ему сладкое удовлетвореніе.

Вернувшись къ полудню домой, Пэдэръ отказался отъ обѣда. Сказавши домашнимъ (онъ жилъ съ сестрой-вдовой и племянникомъ), что пойдетъ пострѣлять, онъ вскинулъ на плечо винтовку и ушелъ въ лѣсъ. Четыре дня бродилъ онъ изъ конца въ конецъ по лѣсному раздолью; онъ билъ все, что ни попадалось ему на глаза; билъ не ради добычи, но чувствуя непреодолимую потребность бить, пролить кровь, точно ею хотѣлъ залить огонь, который разожгла въ немъ Одэ своимъ отказомъ, своими ядовитыми, рѣзкими рѣчами. Пэдэръ не чувствовалъ усталости и цѣлый день ничего не ѣлъ. У него два раза мелькнула мысль—вернуться въ поселокъ и убить Петыря, и каждый разъ его удерживало чувство любви къ Одэ. Онъ любилъ ее и хотѣлъ отмстить ей. Любовь не позволила убить Петыря, потому что это могло убить и Одэ. Онъ не хотѣлъ ея смерти. Но чувство мести также возвышало свой голосъ. Бродя по лѣсу, стрѣляя и звѣря, и птицу, отдыхая на берегу ручья, на лѣсныхъ пригоркахъ, Пэдэръ думалъ объ одномъ: какъ отмстить гордой красавицѣ?

— Она отказала мнѣ; она предпочла Петыря. Надо сдѣлать такъ, чтобы она пожалѣла объ этомъ. Но какъ сдѣлать?— Мысль работала въ одномъ направленіи, и вдругъ въ тотъ самый мигъ, какъ Пэдэръ заряжалъ ружье, чтобы подстрѣлить дикую утку— въ его головы мелькнулъ планъ мести; Пэдэръ забылъ о звѣрѣ и опустил винтовку на землю.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ хорошо! — мысленно прошепталъ онъ. — Да, хорошо. Уйти далеко, далеко, чтобы не видѣть ея счастья, не бередить раны, уйти и работать. Работать безъ отдыха, не зная праздника, разгула, отъ всего отказаться, во всемъ себя сдерживать. Работать и копить деньги! А потомъ...

Его глаза заблестали отъ удовольствія.

— А потомъ,—разсуждалъ онъ про себя,—накопить денегъ, явиться на родину. Пускай Одэ очень красива...

Его сердце сжалось отъ рѣзкой боли при этомъ.

— Пускай Одэ красивѣе всѣхъ, но все же не она одна. Есть же красивыя дѣвицы. Взять себѣ жену и зажить на зависть всѣмъ, а главное на зависть ей, Одэ. Петырь—лѣнтяй. Петырь—мότη. Одэ не можетъ быть съ нимъ счастлива. Онъ скоро ее разлюбитъ. Она будетъ жить въ бѣдности, пожалуй, въ нищетѣ. А онъ одѣнетъ свою жену лучше всѣхъ. Онъ ее „окутаетъ въ лисицу“. Онъ не дастъ ей омочить рукъ въ воду. Пусть все видитъ Одэ и пусть завидуетъ, проклинаетъ свою долю, терзается отъ того, что отвергла его, Пэдэра. Онъ увидитъ ея мученія, ее въ лохмотьяхъ и полуголодную, ее—гордую, дерзкую красавицу. Увидитъ и уныетъ ея униженіемъ, отомститъ за все, что вынесъ теперь отъ нея. О, какъ хорошо это!

Парень злобно захохоталъ и будто почувствовалъ облегченіе отъ горя, отъ той раны, которая ныла и горѣла въ его груди. Чѣмъ болѣе онъ думалъ, тѣмъ сильнѣе укрѣплялась въ немъ мысль и тѣмъ болѣе онъ успокоивался.

На пятый день онъ направился къ дому.

Злой судьбѣ захотѣлось еще разъ нанести острый ударъ Пэдэру. Въ то самое время, когда онъ подходилъ къ лѣсной опушкѣ, за кустами онъ услышалъ чей-то тихій говоръ. Голосъ показался ему знакомымъ; онъ остановился, какъ вкопанный. Черезъ минуту до его слуха донеслись слова Одэ:

— Еще что надумалъ... Нашелъ къ кому ревновать! Да ты

больно-то воли не забирай. Коли хочу люблю тебя, а нѣтъ—только и видѣлъ ..

Въ отвѣтъ послышался тихій шопотъ и затѣмъ раздался сочный поцѣлуй.

Дико загорѣлись глаза Пэдэра, и онъ, съ ловкостью кошки, тихо, неслышно подкрался къ кустамъ.

На травѣ сидѣла Одэ и рядомъ съ нею, обнявши ее, Петырь—высокій, стройный парень съ бѣлымъ румянымъ лицомъ, обрамленнымъ цѣлою шапкою черныхъ кудрей. Красивыя дуги черныхъ бровей рѣзко отгнѣняли бѣлизну и свѣжесть его молодого лица. Онъ глядѣлъ страстными глазами на Одэ, во взглядѣ и лицѣ которой, несмотря на сказанную фразу, свѣтилась тоже кипучая страсть. Дѣвушка разгорѣлась, ея щеки пылали, полная грудь высоко подымалась подъ тонкой холщевой рубахой.

Ихъ губы снова слились въ горячій долгій поцѣлуй...

Еще минута—и Пэдэръ, можетъ-быть, забылъ бы о своемъ планѣ. Онъ уже осторожно снялъ винтовку съ плеча...

Но въ этотъ мигъ Одэ, отстранившись отъ Петыря, промолвила громко:

— Однако пора. Отецъ ждетъ меня давно.

И она поднялась, а за нею всталъ Петырь.

Они обнялись и пошли по тропѣ въ лѣсъ.

Вскочившій Пэдэръ скинулъ винтовку, провожая ихъ ревнивымъ взглядомъ. Ему нельзя было выстрѣлить: Одэ закрывала собою парня настолько, что въ нее легко могла попасть пуля. А пока Пэдэръ выжидалъ, мысль о другой мести снова взяла верхъ надъ мгновенною вспышкой страсти.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо. Потомъ, послѣ, — произнесъ онъ вслухъ, надѣвая винтовку на плечо.

Тяжело дыша, онъ направился къ дому.

Черезъ два дня онъ покинулъ поселокъ.

III.

Зырянскія керки (избы) строятся исключительно изъ соснового лѣса и кроются на два ската. Къ лицевой сторонѣ керки пристраивается крыльцо, большою частью на столбахъ. Съ крыльца входятъ въ широкія сѣни, которыя, какъ коридоръ, раздѣляютъ двѣ избы, состоящія изъ особыхъ срубовъ. Со стороны крыльца

онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной нерѣдко открыты. Печь въ избѣ, битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный переднему уголъ, который освѣщается особымъ окномъ, называемымъ падчеръ-ошень. Оно очень практично: въ избѣ отъ него гораздо свѣтлѣе, да и можно у него что-нибудь работать, наприкладъ, женщины шьютъ; поэтому въ зимнее время нерѣдко въ избѣ, если семья большая, горятъ два свѣта: внизу и вверху; керки настолько высоки, что на полатахъ и на печкѣ свободно можетъ стоять взрослый человѣкъ.

Точно такая же керка, по общему типу, возводилась на мѣсто старой и развалившейся, въ небольшомъ поселкѣ. Только керка строилась массивнѣе всѣхъ евоихъ сосѣдей и украшалась кое-какими узорами, чисто русскаго характера. Всякій разъ, когда обитатели поселка проходили мимо строившейся керки, они останавливались у нея ненадолго и молча глядѣли на работу трехъ здоровыхъ мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ самъ хозяинъ возникавшаго жилья.

— И повезло же ему, — замѣчалъ кто-нибудь коротко.

— Да, — еще короче слышалось въ отвѣтъ.

Случалось, что самъ хозяинъ, оторвавшись на время работы, подымалъ голову и замѣчалъ прохожихъ. Тогда они, съ легкимъ поклономъ, не мѣняя выраженія лица, спокойно говорили громко:

— Помоги тебѣ св. Стефанъ!

— Будь и онъ съ вами, — отвѣчалъ хозяинъ, кланялся, не снимая шапки, и снова принимался за работу.

Она кинѣла быстро. Слово и не три человѣка работали, а цѣлая артель. Хозяинъ, молчаливый и сосредоточенный въ себѣ, мало разговаривалъ, но хлопоталъ энергично, работалъ не уставая, точно сиѣшилъ куда, точно съ окончаніемъ керки должно было настать для него земное счастье или онъ держалъ споръ и строилъ, чтобы выиграть пари. Его суровая, широкая и неуклюжая фигура вся дышала энергіей; топоръ, какъ бы живой, стучалъ по бревнамъ. Рано подымался хозяинъ и, не дожидаясь рабочихъ, уже возился на постройкѣ. И только когда вся работа утихала и ночь опускалась на землю, онъ уходилъ въ маленький срубленный шалашикъ, чтобы ономъ подкрѣпить свои силы. Въ первое время — а постройка началась рано весной — онъ сейчасъ же ложился спать и, вставая съ утренней зарей,

сразу принимался за работу. Но затѣмъ съ вечера, прежде чѣмъ лечь, онъ около часа проводилъ въ раздумьи, сидя у стода или выхода на улицу и смотря куда-то вдаль. И съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе охватывали его думы; онъ началъ про-сигивать на улицѣ по цѣлымъ часамъ, задумывался нерѣдко на работахъ и въ его хлопотливой энергіи стало замѣчаться что-то намѣренное, будто онъ хотѣлъ работою разогнать неотвязныя мысли.

Но онъ властно владѣли имъ. Принявшійся жадно за постройку, онъ ее кончалъ съ замѣтной апатіей, точно въ его душѣ свило гнѣздо сознаніе сдѣланной ошибки. Однако и въ эту пору выпадали дни, когда онъ оживлялся попрежнему, въ глазахъ начинало свѣтиться то же упорство, то же торжествующее чувство, съ которымъ онъ принялся за дѣло и которое торопило его, руководя всѣми дѣйствіями съ перваго шага. Полный этого чувства, остановился онъ противъ своей керки, когда она была вся готова, когда послѣдній гвоздь былъ уже вколоченъ на свое мѣсто. Какъ полководецъ, выигравшій битву, взявшій неприступную крѣпость, вошелъ онъ по небрунаннымъ еще „лѣсамъ“ на крышу керки, торжествующимъ взоромъ обвелъ вокругъ себя и затѣмъ устремилъ его по направленію бора. Его губы были сжаты, и на нихъ застыла побѣдная, злобно-радостная улыбка.

— Достигъ, не даромъ десять лѣтъ не зналъ отдыха... вотъ теперь можно будетъ насладиться.

Онъ еще продолжалъ смотрѣть на дремучій боръ, когда вдругъ страшная мысль, уже давно смущавшая его покой и ослаблявшая энергію, во всей своей силѣ возсталъ въ его сознаніи. Точно кто-то захотѣлъ зло посягнуть на немъ, и въ тотъ самый моментъ, когда онъ хотѣлъ праздновать побѣду, поднесъ ему кубокъ съ ядомъ.

— Насладиться? Ты думаешь насладиться? — заговорилъ внутренний голосъ. — Да развѣ ты найдешь счастье? Не домъ, а гробъ выстроилъ ты себѣ. Гробъ, гробъ, и въ немъ ты похоронишь самого себя.

Ужасъ охватилъ взрослого, сильнаго зырянина и, точно толкаемый невѣдомой силой, онъ сбѣжалъ по качавшимся доскамъ на землю. Онъ опустился на одно изъ лежавшихъ бревенъ. Лицо

его сдѣлалось мрачно, глаза потухли, съ губъ исчезла торжествующая, злобная улыбка.

„Это вѣрно, вѣрно,—продолжалъ внутренний голосъ.—Не найдешь ты счастья“.

Онъ нервно передернулъ плечами, поднялъ голову и сейчасъ же снова опустилъ ее, облокотясь на колѣни.

И вотъ передъ нимъ пронеслось все прошлое.

Оскорбленный, униженный, онъ бросаетъ свою деревню и идетъ на чужбину, полный одного желанія отмстить той, которая такъ безжалостно посмѣялась надъ нимъ. Это чувство было его единственнымъ другомъ въ одиночествѣ, въ длинной дорогѣ, въ теченіе десятилѣтней трудовой, можно сказать, каторжной жизни. Десять лѣтъ непрерывнаго труда на баркахъ и пароходахъ, на заводѣ и въ плотничьей артели, въ дыму кузницы и среди землекоповъ. Десять лѣтъ одинъ среди толпы, одинъ съ своимъ чувствомъ, которое только и утѣшало въ разлукѣ съ родиной, подерживало въ невзгодахъ, сообщало ему силу и терпѣніе. Онъ не забылъ ее, нанесшую ему рану въ сердце, нѣтъ: воспоминаіе о ней доставляло ему наслажденіе. И чѣмъ далѣе шло время, чѣмъ ближе подходилъ къ цѣли, тѣмъ чаще любилъ думать о ней, уже предвкушая наслажденіе.

Ему дивились всѣ его товарищи.

— Это не человѣкъ, а чортъ,—говорили одни.

— И когда онъ спитъ?—спрашивали другіе.

— Изъ желѣза!—соглашались всѣ.

Они не знали его тайны. Не знали, что не желѣзные мускулы дѣлали его упорнымъ, а то чувство, которое жило въ его сердцѣ и питало его нечеловѣческую энергію.

И вотъ прошло десять лѣтъ; это—большой срокъ въ человеческой жизни. Друзья дѣлаются врагами, любящія сердца становятся злобою. Нерѣдко картина измѣняется настолько, что ее совершенно нельзя узнать... За эти годы онъ, покинувшій родину ради мести, постарѣлъ и согнулся, за это время онъ потерялъ сестру, умершую отъ оспы, и племянника, задранныя медвѣдемъ на охотѣ. Обѣ вѣсти онъ встрѣтилъ не безъ грусти, но какъ-то апатично, словно чувство, прогнавшее его на чужбину, настолько овладѣло имъ, что убило въ немъ всѣ оставшіяся чувства. Онъ зналъ, что та, которая потоптала его любовь

несчастна въ замужествѣ; бѣдность и безпутство мужа выпали ей на долю... Его предсказанія сбылись, и онъ былъ радъ этому. Пусть, пусть... онъ покажетъ ей, чего она лишилась, что оттолкнула отъ себя.

Онъ уже достаточно прикопилъ денегъ, и его потянуло на родину, по которой онъ давно скучалъ. Гдѣ бы ни былъ зырянинъ, какъ бы ни было хорошо ему на чужбинѣ, но при первой возможности онъ спѣшитъ вернуться подъ родныя сосны.

Получивши расчетъ, онъ возвращался на родину съ нажитымъ капиталомъ и со старой местью въ груди. Моментъ, котораго онъ ждалъ такъ долго и такъ жадно, приближался. Онъ почти достигъ уже цѣли. Онъ въ состояніи выстроить хорошенькую керку; для него найдется молодая жена; онъ заживетъ богато, на зависть гордой красавицѣ, отвергнувшей его десять лѣтъ тому назадъ и теперь переносящей нужду, пьянство и измѣну мужа. О, какъ же онъ отмститъ ей за всѣ свои униженія. Онъ ничего не пожалѣетъ для той, которую возьметъ въ жены. Онъ одѣнетъ ее лучше всѣхъ! Онъ заведетъ пару лошадей. Будетъ кататься съ ней. Онъ найметъ работницу, заведетъ полное хозяйство. Пусть, пусть та терзается отъ зависти и поздняго раскаянія. Неужели она такъ любитъ мужа, что не пожалѣетъ и теперь? Не можетъбыть! Она горько раскается за прошлое..

Но найдетъ ли онъ по сердцу жену себѣ? будетъ ли онъ любить ей?—мелькнула у него мысль, когда онъ торопливой походкой приближался къ родному поселку.

О, что за важность! Отчего не полюбить молодой жены? Да и зачѣмъ ему любить? Развѣ это важно теперь? Ему нужно только отмстить за свое оскорбленіе! Не въ любви, такъ въ мести онъ найдетъ себѣ усладу. Местъ замѣнить ему радости любви... Вся его любовь къ оскорбившей красавицѣ—переродилась въ месть. Онъ десять лѣтъ сознавалъ это и сознаетъ теперь. Она же именно, она все-таки дастъ счастье. Если не въ любви, такъ въ отмщеніи,—но счастье! И это онъ получить черезъ нее.

Да, да.

Онъ на родинѣ. Одинъ, совсѣмъ одинъ. Сгорбленный, постарѣвшій, годный въ отцы тѣмъ дѣвушкамъ, которыя десять лѣтъ тому назадъ были его сверстницами и теперь могли быть бы же-

нами... Онъ не хочетъ идти туда, гдѣ живетъ его обидчица въ нуждѣ, въ разлукѣ съ мужемъ, ушедшимъ вотъ ужъ болѣе года куда-то и не подающимъ о себѣ извѣстiя. Онъ торопливо принимается за постройку керки и весь уходитъ въ занятiя. Онъ не ищетъ жены... Зачѣмъ? Долго ли это сдѣлать? Ему, вѣдь, все равно: кто и гдѣ... Онъ никого не любитъ...

Постройка растетъ. Но странное дѣло, чѣмъ дальше подвигается она, тѣмъ задумчивѣе и сумрачнѣе становится ея владѣлецъ. Невольная мысль, доселѣ какъ-то притаившаяся на днѣ души, вдругъ пробуждается и начинаетъ тревожить его. Онъ жилъ местию, для нея ушелъ далеко, и вотъ теперь, когда онъ почти у цѣли, онъ вдругъ начинаетъ сознавать, что эта месть едва ли дастъ ему удовлетворенiе и то наслажденiе, для котораго онъ такъ много терпѣлъ.

Какъ? а для чего же онъ убилъ десять лѣтъ въ трудахъ, для чего онъ эти десять лѣтъ не зналъ ни покоя, ни удовольствiй? для чего онъ состарился прежде времени и согнулся подъ тяжестью этихъ десяти лѣтъ?

Онъ испугался такого сознанiя и хотѣлъ убѣдить себя, что все это ложь, заставилъ себя еще съ большею энергiею уйти въ работу по постройкѣ. Онъ думалъ намѣренно разжечь въ себѣ еще сильнѣе чувство мести. Напрасно! Ужасная мысль все болѣе и болѣе овладѣвала имъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — развивалась она въ умѣ, — ты не добьешься счастья, не дастъ тебѣ его месть! Ты выстроишь домъ — хорошо... что же дальше? Кого ты введешь въ него? Чужую женщину, далекую твоему сердцу, — которая выйдетъ за тебя ради твоихъ достатковъ, но которая не будетъ и не можетъ любить тебя — постарѣвшаго, годнаго ей въ отцы. Что же дастъ тебѣ семья? Ты будешь одинъ въ этомъ домѣ, одинъ, связанный вѣчно съ женщиной, тебя не любящей и тебѣ чужой. Ты не керку выстроилъ себѣ, а гробъ, и въ немъ ты хоронишь свое счастье! Вотъ если бы ты ввелъ въ домъ ее, Одѣ... не лги: ты ненавидишь ее? Да, но не оттого ли такъ сильно и ненавидишь, что безумно любилъ раньше и до сихъ поръ еще не изгналъ любви изъ сердца? Не любовь ли прикрылась ненавистью? Развѣ тебѣ не жаль ея? Развѣ ты будешь вполне счастливъ, заставивъ ее завидовать и страдать? Пусть она будетъ ломать руки,

проклинать свой поступокъ — что тебѣ? Довольно ли этого съ тебя? Вотъ если бы ты могъ стать снова вполне счастливымъ, если бы въ керку ввелъ ты и покой и любовь, тогда бы... но, вѣдь, ничего этого не будетъ у тебя! Насладишься ли ты одною местию? Можетъ-быть, сначала она и доставитъ наслажденiе... Пусть такъ, а затѣмъ? Потомъ ты все-таки одинъ, и ужъ месть перестанетъ доставлять тебѣ наслажденiе. Что же останется для тебя? Что? Кѣмъ и чѣмъ будешь жить, для чего жить? Гробъ, гробъ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ неотвязнѣе дѣлались эти мысли. Послѣ минутнаго торжества надъ ними — еще болѣе подпадалъ онъ подъ ихъ влиянiе. Но вотъ все готово... Онъ почти у цѣли... И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда онъ долженъ праздновать начало побѣды, ужасная мысль во всей силѣ возстала въ сознанiи, всего охватила его. И эти слова: „гробъ, гробъ, а не керка“, такъ громко прозвучали въ его ушахъ, что ему показалось, будто ихъ кто-то крикнулъ въ воздухъ. Онъ сбѣжалъ сверху керки и опустился въ изнеможенiи на бревно. Онъ оидѣлъ убитый, раздавленный роковымъ сознанiемъ. Для чего же, для чего онъ столько перенесъ? Жить десять лѣтъ одною местию, терпѣть, бороться, спѣшить домой, чтобы насладиться за долги муки, почти всего уже достичь — и вдругъ... О, что за новая насмѣшка! Что за страшное мученiе! Что дѣлать? Привести въ исполненiе? Нѣтъ, нѣтъ! но... Его голова пошла кругомъ. словно кто сжалъ ее клещами. Сердце готово было разорваться отъ глухихъ, отчаянныхъ рыданiй.

— Что же это такое? — воскликнулъ онъ.

Онъ поднялъ голову и вздрогнулъ. Къ нему подходила бѣдно одѣтая женщина, ведя за руку маленькую дѣвочку. Онъ узналъ въ ней ту, которая зажгла въ его сердцѣ любовь, превратившуюся въ месть.

Онъ не узналъ, а скорѣе сердцемъ почувствовалъ что это она: такъ сильно измѣнилась гордая лѣсная красавица за десять лѣтъ.

IV.

Передъ нимъ остановилась сухошавая женщина съ плоскою грудью, съ желтымъ лицомъ, по которому нужда и кручина провели длинныя морщины. Свѣжаго, плѣнительнаго румянца не осталось и слѣда. И только взгляды черныхъ глазъ остались прежніе, да также хороши были дугообразныя брови.

Какъ уколотый, вскочилъ онъ съ бревна и точно замеръ, впившись глазами въ женщину. Прошло всего одно мгновеніе, прежде чѣмъ она заговорила, но въ это мгновеніе безпорядочнымъ вихремъ пронеслось въ его памяти все прошлое, что было десять лѣтъ назадъ и въ эти годы; сердце какъ бы успѣло въ этотъ мигъ пережить и всю любовь, и все униженіе, отозвалось бѣніемъ на страсть и ненависть. Чувства, самыя разнородныя, борясь между собою, смѣняли другъ друга, перепутали все мысли. Все это выразилось въ игрѣ личныхъ мускуловъ, въ блескѣ глазъ, взволновало и потрясло всего его. Онъ хотѣлъ что-то сказать—и не могъ, точно лишился способности говорить.

— Пэдэръ,—тихо вымолвила женщина.

Ея все еще мелодичный попрежнему голосъ ласкалъ слухъ, напоминая прошлое.

Что-то рѣзнуло, укололо его сердце, и вдругъ этотъ уколъ будто разбудилъ мстительное чувство, притихшее и побѣжденное недавними мыслями.

Женщина робко, покорно заговорила, она не молила о прощеніи, но самая ея рѣчь была уже этою мольбою. Она могла тронуть самаго холоднаго человѣка и между тѣмъ произвела совершенно противное дѣйствіе на того, къ кому относилась. Чѣмъ болѣе онъ смотрѣлъ на женщину, тѣмъ суровѣе дѣлалось выраженіе его лица, тѣмъ злобнѣе становился блескъ его глазъ. Онъ чувствовалъ, что съ каждымъ ея словомъ точно входила въ его сердце новая капля желчи, словно каждый звукъ ея голоса рвалъ на части его сердце, и что-то внутри его требовало отмщенія за эту боль, за это мучительное ощущеніе. Передъ нимъ стояла она—его Одэ, за которую десять лѣтъ тому назадъ онъ былъ готовъ отдать жизнь и которую возненавидѣлъ потомъ всю душою. Недавно, за нѣсколько минутъ до ея при-

хода, сидя на бревнѣ, онъ сознавалъ, что мести не дастъ счастья, что напрасно столь многимъ пожертвовалъ онъ ей. А теперь вдругъ онъ почувствовалъ, что въ мести—глубокое невыразимое счастье, и онъ жадно захотѣлъ испытать это наслажденіе мести. Все потухло и замерло кромѣ мстительнаго чувства. Онъ слышалъ только одинъ его голосъ. Ни эти блѣдныя черты изнеможеннаго, когда-то милаго лица, ни эти звуки дорогого нѣкогда голоса, ни прелестное личико дѣвочки,—ничто не въ силахъ было побѣдить этотъ голосъ. Напротивъ! Все это точно еще болѣе раздувало въ его сердцѣ пламя злобы!

Его била лихорадка, когда онъ, сдѣлавъ шагъ впередъ, промолвилъ съ отѣнкомъ злорадства въ голосѣ:

— Такъ вотъ, какъ мы свидѣлись, Одэ! Какъ я говорилъ, такъ и случилось. Ты пришла ко мнѣ... Сама... Ты, промѣнявшая меня на лукаваго волка, на хищнаго ястреба, который заклевалъ тебя, высосалъ твою кровь и бросилъ! Ты говоришь, что онъ ушелъ и вотъ ужъ болѣе года нѣтъ его,—продолжалъ Пэдэръ, и голосъ его сдѣлался громче и рѣзче;—что же не пошла за нимъ? Что же ты не отправляешься искать его по лѣсамъ? Можетъ-быть, уже его нѣтъ? Вороны клюютъ его черныя глаза, которые ты такъ любила... Волки рвутъ на части его бѣлое, красивое тѣло? Что же ты медлишь? Иди, иди! Обними его, цѣлуй, авось твои ласки оживятъ его!—вдругъ уже закричалъ Пэдэръ, и жилы на его лицѣ напряжились, налились кровью, глаза сверкнули бѣшеной злобой.—Иди туда. Оставь медвѣдя и постылага Пэдэра! За чѣмъ ты пришла къ нему и привела съ собою ребенка, прижитаго съ волкомъ? Или, можетъ-быть, ты еще мало насмѣялась, такъ еще хочешь: пришла показать дитя, въ жилахъ котораго течетъ кровь твоего ястреба? За этимъ пришла? Да?

Онъ дѣлался страшнѣе отъ злобы, перекосившей его лицо и залившей глаза кровью.

Одэ опустила голову и молчала. Дѣвочка плотно прижалась къ ней, ухватившись руками за платье.

— За чѣмъ ты пришла?—заговорилъ снова Пэдэръ дрожащимъ голосомъ, все болѣе и болѣе поддаваясь охватившему его чувству.—За чѣмъ? Или ты думаешь, что медвѣдь вѣрный, честный звѣрь и все еще любить красавицу? да? Ха-ха-ха!—захохоталъ

онъ дико;—красавица? Гдѣ она? Гдѣ твоя красота, Одэ? На кого тыходишь? Ты—старуха, ты хуже меня. Онъ укралъ твою красоту, укралъ твои силы, здоровье и... бросилъ! И ты пришла ко мнѣ теперь, ужъ ему ненужная, никому ненужная, пришла, потому что медвѣдю, уроду, что надо? Все годится! Онъ радъ будетъ... Ха-ха-ха! Нѣтъ, ошиблась, Одэ, ошиблась! Не нужно мнѣ тебя, ненужно. На тебѣ еще видны слѣды его поцѣлуевъ. Помнишь, ты посылала меня на рѣку посмотрѣться. Посмотри сама теперь. Твое лицо пожелтѣло, кости выставились. Это онъ, волкъ, съѣлъ твое мясо. Это отъ его поцѣлуевъ ты желта. Онъ заласкалъ, зацѣловалъ тебя своими волчьими губами, ха-ха-ха!

Голосъ его пресѣкся, и онъ не могъ продолжать.

— Я не затѣмъ пришла; ты несправедливо говоришь,—возразила Одэ тихо, съ болью въ голосѣ;—зачѣмъ я тебѣ? Ты—не волкъ, самъ говоришь. Ты не возьмешь чужого, какъ всякій честный зырянинъ... Зачѣмъ? Въ нашихъ лѣсахъ еще много дичи, и звѣря... въ керкахъ не мало красивыхъ дѣвицъ. Я сказала, зачѣмъ пришла! Ты знаешь, какъ теперь мало хлѣба. Кача, кача... ахъ, не себѣ прошу! Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, затѣвивъ движеніе Пэдэра,—я ей, ей только (она показала рукой на дѣвочку). Она не вынесетъ качи. Она ни въ чемъ не виновата, Пэдэръ. Дочь за мать не отвѣчаетъ. Прости, что я оскорбила тебя тогда... но я достаточно наказана. Я прошу тебя за ребенка!

— За ребенка?—воскликнулъ Пэдэръ;—а развѣ это не его ребенокъ? Развѣ не онъ обязанъ его кормить? И зачѣмъ ты пришла ко мнѣ... отчего не къ другимъ?

— Къ кому ити?—отвѣтила Одэ, вздыхая;—у всѣхъ нашихъ мало... у всѣхъ семья... а ты одинъ... и богатъ,—закончила она медленно и съ горечью въ дрожащемъ голосѣ.

— Богатъ? Одинъ?—протянулъ Пэдэръ, сверкая глазами;—а ты узнала. Ты это узнала, и не спросишь, какъ легко досталось мнѣ богатство? Каково жилось медвѣдю тѣ годы, когда ты ласкала на мягкой груди хищнаго ястреба! Богатъ! одинъ! а развѣ я долженъ вѣчно оставаться одинъ? Для тебя развѣ я копилъ деньги? Богатъ и пришла!

— Повѣрь,—перевела его Одэ, и въ ея голосѣ зазвучало

что-то похожее на старую гордость,—повѣрь, Пэдэръ, если бы я была одна, я бы ни за что не пришла, но вотъ она... для нее... ради ребенка...

— Что мнѣ за дѣло до нея!—закричалъ Пэдэръ, весь дрожа,—что мнѣ до того, что она умретъ. Пусть, пусть издыхаетъ волчье отродье, пусть это терзаетъ тебя... что мнѣ? Развѣ ты пожалѣла меня тогда? что мнѣ тебя жалѣть? Я говорилъ, что ты погибнешь, такъ и вышло! Тебѣ нечѣмъ накормить ребенка. А будь это мой (онъ остановился на одинъ мигъ отъ волненія), будь мой, говорю, я бы нашелъ... да!.. а теперь... теперь ничего нѣтъ у меня, ничего... уйди! уйдите прочь!

Онъ сдѣлалъ жестъ рукою, какъ бы отталкивая ихъ.

Одэ подняла на него свои черные глаза—и ихъ взгляды встрѣтились.

— Пэдэръ,—проговорила она съ видимымъ трудомъ,—мы съ тобой расплатились: я оскорбила тебя тогда... такъ!.. теперь ты снова отплатилъ мнѣ. Ты правъ. Суди Богъ и святой Стефанъ насъ обоихъ! Но ты... ты не дашь умереть ей... нѣтъ, ты не отдашь смерти моего ребенка... Это мое дитя, не только его, но и мое, Пэдэръ. Посмотри на нее!—вся трепещущая воскликнула Одэ, выталкивая впередъ дѣвочку;—развѣ это не я? Развѣ у ней есть хоть одна черта его? Пэдэръ, Пэдэръ!—со слезами воскликнула она,—это дитя мое, твоей Одэ! Неужели ты отнимешь его у меня?

И она упала на колѣни, рыдая.

— Мама, мама!—заплакала дѣвочка и ухватилась за шею Одэ.

Пэдэръ почувствовалъ, что онъ задыхается. Кровь бросилась въ голову, а сердце мучительно заныло, сжалось отъ боли,—и любовь, та любовь, которая замолкла въ немъ, придавленная злобой, вдругъ воскресла, воспрянула и горячей волной залила все существо. Эта волна согрѣла душу, пробудила ее и затушила злобу. Она вылилась вся въ ядовитыхъ рѣчахъ. Местъ удовлетворилась... и заговорила любовь... Пэдэръ почувствовалъ снова, что ему близка эта бѣдная, убитая нуждою женщина. Ему больно стало, что онъ такъ терзалъ ее словами, ее, и безъ того истерзанную нуждою, хитрымъ, подлымъ волкомъ. Но онъ и самъ не знаетъ, какъ это случилось. Онъ увидѣлъ ее такою, и ему стало сразу больно. Но, вѣдь, это произошло отъ того,

что она предпочла Петыря! Эта мысль, больше чѣмъ воспоминаніе о прошлыхъ мукахъ и униженіи,—подняла въ душѣ Пэдэра накопившуюся злобу. Когда же она овладѣла имъ, онъ уже не принадлежалъ себѣ, онъ былъ весь въ ея власти, ея рабомъ. И она диктовала ему ядовитыя рѣчи—она, злоба, говорила его языкомъ! А теперь? Теперь...

Онъ вдругъ схватился обѣими руками за голову и самъ зарыдалъ.
— Одэ, Одэ!—только и могъ выговорить онъ.

Одэ съ дочерью перешла жить въ керку Пэдэра. Онъ сдалъ ей все хозяйство. Вотъ уже прошелъ годъ—онъ не женился и не думаетъ жениться... Но Одэ ему не жена. Онъ ласковъ съ нею, но говоритъ мало, мало бываетъ и дома Дѣвочка привыкла къ нему. Онъ любитъ держать ее на колѣняхъ. Но ни разу онъ не поцѣловалъ ея. Случается, онъ долго, долго смотреть на дѣвочку, затѣмъ вдругъ спускаетъ ее съ своихъ колѣнъ и отрывисто, глухо говоритъ ей:

— Уходи, уходи скорѣй, Лузя!

И его лицо, за минуту еще доброе и ласковое, дѣлается мрачнымъ и злымъ.

Онъ тяжело, глубоко вздыхаетъ и, захвативши винтовку, на нѣсколько дней уходитъ въ лѣсъ.

О Петырѣ — никакого слуха.

18